

АНАСТАСИЯ ЛОГИНОВА

МЕСТЬ ДО ПЕРВОЙ КРОВИ

16+

Катрина Астафьева. Старогорск. Полицейский детектив

Анастасия Логинова

Месть до первой крови

«Автор»

2013

Логинова А.

Месть до первой крови / А. Логинова — «Автор»,
2013 — (Катрина Астафьева. Старогорск. Полицейский детектив)

Очередное дело маленького детективного агентства кажется незамысловатым: заказчик подозревает молодую жену в измене и требует предоставить доказательства. Однако чем дольше Миша Дорофеев наблюдает за юной и взбалмошной Линой, тем больше не доверяет самому заказчику, которого он даже ни разу не видел – общение идет через посредника. Но и изменница Лина не так проста, как кажется на первый взгляд – у нее гостит подруга, которая оказывается ни много, ни мало следователем прокуратуры. А другая ее подруга найдена убитой при загадочных обстоятельствах.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

34

Анастасия Логинова

Месть до первой крови

Глава 1. Мост Самоубийц

Южный мост в Старогорске в народе прозвали Мостом Самоубийц. Тот даже внешне был нарядность уродлив: нелепое сооружение из железобетона высилось на южной окраине города. Четыре года назад здесь затеяли грандиозную стройку микрорайона, который должен был располагаться на обоих берегах реки, тогда же проложили и мост. А потом случился очередной экономический кризис – стройку пришлось заморозить. Заложенные высотки, правда, спустя время решили достроить: теперь на левом берегу хоть и высились дома, но правому же – самому отдаленному и глухому району Старогорска – навсегда, похоже, предстояло остаться мрачным пустырем. Так же, как и мосту. Ничего удивительного, что горожан, погруженных в невеселые мысли, тянуло сюда как магнитом.

По прямому назначению мост не работал ни дня, потому поблескивающая лакировкой иномарка часа в три ночи въехавшая на Южный мост, осталась незамеченной. Автомобиль резко сбавил скорость, на "черепашьем ходу" добрался примерно до середины и остановился. Водитель вышел медленно, словно крадучись. Он зябко кутался в дорогой небрежно накинутый пиджак, но, казалось, его знобило не столько от майского ночного сквозняка, сколько от каких-то своих мыслей. Мужчина боязливо огляделся по сторонам и при любом постороннем звуке готов был тут же уехать. Но опасаться оказалось нечего, хотя ночь не была тихой – сегодня праздновали Первомай. Мало кто помнит, что именно отмечают в этот день, но Старогорск городок маленький и, как все маленькие городки, традиционный. Раз дали два выходных дня, значит нужно праздновать. Да не сидя по-тихому в квартирках, а по полной программе: с гостями, групповыми прогулками по ночному городу и пьяными песнями во весь голос. Так что окна в домах горели всю ночь, кое-где вспыхивали звездочки фейерверков, даже доносились веселые вопли, заставляя мужчину вздрагивать и торопливо озираться по сторонам.

Решившись, наконец, он вернулся к машине, открыл дверцу объемного багажника и еще несколько секунд смотрел на страшный сверток из бледно-розовой шелковой простыни. Из свертка выбилась прядь светлых волнистых волос, а в центральной его части разливалось темно-вишневое пятно.

Почти не чувствуя тяжести, мужчина поднял кого-то, укутанного в простыню, на руки, сделал несколько шагов к перилам моста и еще секунд десять не решался отпустить. Когда тело с шумным всплеском все же вошло в воду, он смотрел сверху: вопреки его опасениям, оно почти сразу пошло ко дну, лишь бледно-розовая простыня какое-то время стелилась по поверхности, словно дразня своими вишневыми потеками. Уже не колеблясь, мужчина вытащил из кармана брюк некогда дорогой ему, но теперь уже ненавистный револьвер и бросил вниз. Ещё один всплеск. Потом – тишина.

Словно сама судьба ему благоволила – покинул мост он опять же незамеченным.

Дорофеев с утра зевал и клевал носом, что было, конечно, не позволительно. Он снова не выпался. Домой явился за полночь, а в семь утра уже занял пост у дома номер десять по улице Суворова. Нынешний его "объект" усидчивостью не отличался. С утра пораньше его следовало принять, потом часов до двенадцати можно было расслабиться и даже успеть заскучать. Зато во второй половине дня Миша только и попевал таскать груз ¹ с одного конца города на другой,

¹ «груз» – объект, за которым ведется оперативное наблюдение (спец. термин)

да пробивать номера машин, в которые тот садился. А связи ²!.. Знакомых у объекта оказалось море, и каждому то флешку передаст, то книгу. Все это следовало отмечать в блокноте, встречу с каждой связью фиксировать на фотоаппарат, а трижды в неделю делать подробный отчет заказчику ³.

Нет, объект не был террористом, наркодиллером или шпионом – обыкновенная девчонка-студентка, неверная жена заказчика. Дело рядовое и похожее на кипы остальных, как брат-близнец. Заказчик уверен, что жена ему изменяет, а Мишина задача предоставить ему официальное подтверждение или его опровергнуть. Ну что ж, желание клиента – закон: хотите официального подтверждения – берите, кушайте на здоровье. Будет вам и фото влюбленной парочки в ресторане, и поцелуи при луне, и постельные утехы даже, если хотите. Девчонка была довольно симпатичной, разве что полновата на Мишин вкус. Монашеским поведением она не отличалась: словно бабочка порхала из одной веселой компании в другую. Нет, не бабочка... капустница – вот так будет точнее. Капусту эта бабочка любила очень – зелененькую, хрустящую, в долларовом эквиваленте. Хотя не гнушалась брать и мехами. Вчера, например, Миша полдня таскался вслед за ней по бутикам, где седовласый «папик», владелец серебристого «Ниссан», выбирал Капустнице шубу.

Но сегодня все шло наперекосяк... в восемь утра «объект» ни с того направился в Университет, впервые за все время слежки, а спустя час вдруг позвонил инициатор оперативного наблюдения. Именно в тот момент, когда Капустница снова появилась в поле зрения, явно куда-то спеша.

– Я перезвоню позже, – торопливо заговорил Дорофеев, – объект только что...

– Михаил, я и звоню насчет объекта. Вы сейчас около Университета? Уезжайте сейчас же.

Первая мысль, которая промелькнула у Миши – его срубили⁴. И кто срубил? Не матерый зек, а девчонка какая-то... Как такое могло выйти? Где он прокололся? Он ведь и машины меняет, и внешне маскируется...

– Что случилось? – злясь на свою безалаберность, спросил Миша.

– Ничего, просто уезжайте и как можно скорее.

– Я что-то сделал не так?

– Черт вас дерит! – взорвался вдруг собеседник. – За что вам платят деньги, чтобы вы вопросы задавали?! Так хочет Владимир Андреевич!

Не прощаясь, Михаил отключил телефон, ругнувшись вполголоса, и начал выворачивать руль, покидая стоянку. Краем глаза он заметил, что Капустница оглядывается и смотрит на часы – и правда ждет кого-то, а он эту связь упустит.

Владимир Андреевич был инициатором наружного наблюдения, а по совместительству и обманутым мужем Капустницы. Человек чрезвычайно важный и занятой. Настолько занятой, что даже договор с агентством подписывал не сам, а через своих подручных. Хотя Миша подозревал, что здесь дело не столько в занятости, сколько в надежде сохранить свое инкогнито. Разумеется, ему это не помогло, достаточно было покопаться в биографии Капустницы, чтобы узнать фамилию ее последнего мужа.

Конечно, Михаил понимал, что и приказ сворачиваться был не просто блажью заказчика. Он на что угодно готов был спорить, что встреча у Капустницы назначена именно с его клиентом, а тот не хочет, чтобы Миша их встречу видел. Бес его знает почему. Можно было бы, конечно, остаться и втихаря понаблюдать, но зачем? Ответ наверняка окажется банальным в своей глупости, да к тому же Мише не был интересен ни заказчик, ни Капустница, ни их наду-

² «связь» – посторонние, вступившие в контакт с объектом (спец.термин)

³ «заказчик» – инициатор оперативного наблюдения (спец. термин)

⁴ «срубить» – (здесь) раскрыть, обнаружить оперативное наблюдение (спец. термин)

манные проблемы. Впрочем, личных дел у Дорофеева все равно не нашлось, и он направился на другой наблюдательный пост, к месту жительства Капустницы.

Автомобили на стоянке были под стать квартирам – элитные. Видно по недоразумению здесь затесалась красный четырехдверный «Москвич», хозяин которого – парень с видом гроссмейстера, обдумывающего ход, и одетый в домашнее трико – копался в двигателе. К нему-то Миша и подошел:

– Закурить не найдется? – Миша, поигрывая зажигалкой, прислонился спиной к боку машины. Оглядел дворик. На улице ни души.

– Не курю, – процедил парень, даже не глядя на Мишу.

– Что ты там возишься, – не отставал Дорофеев, – машина новая – техник месяц назад движок поставил. Шифруешься, что ли, Штирлиц?

Вот тут-то парень аж вспыхнул и отскочил от машины:

– Михал Саныч, я же работаю! На меня и так все проходящие косятся... по-моему что-то подозревают.

– Подозревают... Здесь на НЛЮ меньше бы внимания обратили, чем на твое корыто. Ты так и не разговаривал с Агатой, чтобы тебе тачку приличную выделили?

Парень, его звали Эдиком, молчал, насупившись, и разглядывал внутренности машины.

После первого же своего дежурства молодой напарник учудил: не вернул выданную ему «Шевроле-Лачетти» с улучшенными ходовыми качествами в гараж, а повез на ней подружку загорать на пляж. Миша тогда еле уговорил начальство дать пацану второй шанс – остановились на том, чтобы выделить неприглядный с виду «Москвич», начинка которого, впрочем, была заменена и мало чем уступала той же «Шевроле».

– Ладно, сегодня сам поговорю с начальством. А ты на этом драндулете сюда больше не приезжай. И маскировку смени.

Эдик в предвкушении нового автомобиля оживился и бодро ответил:

– Есть, шеф!

– Ты еще козырни, – поддразнил Дорофеев.

Эдик до увольнения из полиции около двух месяцев был опером в местном РУВД, но практики наружного наблюдения совсем не имел. Неделю назад Миша переманил его в детективное агентство «Агата»: парень был толковым, хоть и хитроватым – себе на уме. Например, после того дежурства он честными глазами смотрел на Мишу и с видом хронического идиота уверял, что думал, будто машину ему «насовсем» дали. Но Дорофеев с этим мирился, понимая, что одновременно и умные, и честные полицейские остались разве что в советских фильмах про милицию.

Да и сам Миша был далек от идеала честности.

– Михал Саныч, я вот что думаю, – закрывая, наконец, капот, заговорил Эдик, – какой смысл мне здесь целыми стуками торчать? Днем она все равно на хате не появляется. Может, я лучше по городу ее таскать буду, у вас на подмене?

– Это не наша с тобой забота, Штирлиц. Заказчик хочет, чтобы ты вычислил, кто заходит к ней в квартиру. Вот и вычисляй.

– Да никто к ней не ходит! До подъезда подвозят – и от ворот поворот. Динамщица... А если кто позже туда поднимается, то как же я его вычислю? Это шестнадцатизэтажка, сколько здесь народу шляется! Под дверь у нее мне, что ли, ночевать?!

– Надо будет – переночуешь. А пока фиксируй, кто из незнакомых мужиков в подъезд заходит. Кто из них с цветами и шоколадом. Дверь-то с домофоном, так что приглядывайся, кто звонит, а кто своим ключом открывает. С консьержем знакомство заведи.

– Нет здесь консьержа. Третий день, говорят, в больнице с гастритом лежит, – хмуро пробубнил Эдик.

– Кому квартира официально принадлежит, узнал?

– Узнал... На мужа ее квартира оформлена.

При этом напарник так выразительно ухмыльнулся, что Миша еще раз убедился: не зря он его переманил, парень толковый. Дело в том, что, согласно договору с агентством «Агата», имя заказчика должен знать только тот детектив, который непосредственно оформлял договор с клиентом. В данном случае это был Миша. Для остальных сыщиков, даже для руководства, заказчик оставался безликим Заказчиком. Паспортные данные объекта наблюдения точно также были известны только ограниченному кругу, а для общения между собой грузу давался псевдоним, лучше всего отражающий его сущность.

Но Эдик, судя по его ухмылке, клиента вычислил.

Пока Миша стоял на светофоре, возвращаясь с улицы Суворова, мимо с переливчатым возгласом сирены пролетел на красный свет полицейский «УАЗ». Миша сглотнул и потянулся за сигаретами. Странно... Столько времени прошло, а при каждом вое сирены сердце его начинает учащенно биться. Михаил до сих пор каждую машину с синими номерами провожает взглядом; каждому участковому, даже незнакомому – кивает, как и раньше. Все не может привыкнуть, что теперь он чужой.

Снова вспомнилось, как недели две назад Миша случайно встретился с операми из отдела Русакова, где сам работал когда-то. Вспомнилось, как ребята резко оборвали разговор при его появлении – встрече они были рады, но...чужой он и есть чужой. На простой вопрос: как дела? – ребята немного задумались. Потом Макс Федин начал рассказывать, что квартиру новую снял, ремонт затеял. Второй опер с завистью оглядел новую Мишину «Тойоту», поинтересовался, где лучше в кредит машину брать – Миша подробно объяснил. На том разговор и затих. Говорить-то было больше не о чем... Да чего там – сделанного не вернешь.

...В полиции, тогда еще милиции, Миша работал с восемнадцати лет. По молодости почти случайно попал в оперативно-поисковое управление ГУВД, которое сперва казалось ему почти разведкой: настоящие актерские маскировки с несложным гримом и париками, слежки, специализированные словечки, непонятные ни одному обывателю. Это не говоря об аппаратуре, вроде камер, вмонтированных в дипломаты, авторучки, пуговицы – раньше Миша такие видел только в кино про шпионов. Однако уже через год новизна ушла, а романтика приелась – Дорофееву в ОПУ стало скучно. Только и знай, что шаг в шаг следуй за объектом или часами до одури просиживай в машине под его окнами. Инициативу проявлять – запрещено. Свихнуться можно! Миша уже начал подумывать совсем из полиции увольняться, но тут старый приятель Ваня Соколов из Старогорского уголовного розыска дал наводку, что у них освободилось место. Так Миша стал опером. Старогорск хоть и считается городом тихим, но работа для угрозыска там была всегда, да и время тогда было беспокойное.

А однажды просто не повезло. Поздно вечером возвращался с работы, спокойно допивая пиво – улица пуста, а двое парней тащат в машину девчонку – та кричит, отбивается, редкие прохожие делают вид, что не слышат. Дорофеев окинул взглядом дорогуший джип с московскими номерами и понял, что у него будут неприятности. Но все равно вмешался – засветил корки с именем-фамилией и предложил разойтись с миром. Его, конечно, послали, посмеялись только между собой. Парни были здоровыми, и спортзал явно посещали как минимум три раза в неделю, в отличие от Миши. Только когда Дорофеев достал ПМ⁵, девушку отпустили, и то скорее от неожиданности. А когда та убежала, поперли на Мишу. Они почему-то были уверены, что Миша не выстрелит, но Дорофееву уже деваться было некуда: с одним бы он, возможно, справился без оружия, но их было двое. А убежать ему, капитану милиции, от московских мажоров было не комильфо. Желая припугнуть, Миша сделал предупредительный выстрел в воздух. Но неудачно – пуля попала в фонарный столб и рикошетом вошла в лобовое

⁵ «ПМ» – пистолет системы Макарова, табельное оружие работников МВД

стекло джипа, застряв в обивке сиденья. Зато парни действительно струхнули, назвали Дорофеева отмороженным на всю голову и – бледные, на ватных ногах – убралась.

А на следующий день начальник УВД вызвал Мишу к себе и потребовал написать объяснительную: как так вышло, что он, находясь в нетрезвом состоянии, пристал к двум несовершеннолетним мальчикам (парням, оказывается, было по семнадцать лет), требовал от них денег на водку, а когда те отказались, в отместку расстрелял машину, которая числится на помощнике депутата Госдумы. Дорофееву бы тогда заткнуться, сделать виноватое лицо и пойти писать объяснительную, но «Остапа понесло». Разговор закончился тем, что начальник предложил Мише поискать другую службу, раз его не устраивает эта. А Дорофеев в ответ швырнул ему на стол удостоверение, кобуру с табельным оружием и ушел.

Потом, когда страсти улеглись, Миша жалел, очень жалел об этом. Но тогда даже почувствовал облегчение – все, закончилась рабская жизнь. Теперь уже им помыкать никто не будет. Ушел. По знакомству попал в команду к таким же бывшим сотрудникам, как и он – в детективное агентство «Агата». И что же? Не проходит и двух месяцев, как все возвращается на круги своя... Нервотки, правда, поменьше, зарплата – существенно побольше. Но спит он в сутки часов по пять, как и прежде. С утра до ночи бегает, свесив язык на плечо. Отчеты эти чертовы, никому не нужные строчит каждый день. Даже клиенты такие же неприятные типы, как и раньше. Клиентами он на прежней службе так называл тех, на кого заведено уголовное дело. Следователи так подследственных зовут, вот и опера у них переняли. Теперь у Миши действительно были клиенты, без всяких жаргонизмов. Люди, которым он оказывал определенного рода услуги.

Вдалеке с воем сирены пролетел полицейский наряд, и Катя непроизвольно высунулась из лоджии, пытаясь разглядеть машины. Автомобилей, конечно, не увидела, но мысленно пожелала ребятам удачи. И в этот момент словно очнулась – оказалось, что сигарета уже догорела практически до фильтра и грозила обжечь пальцы, а прозрачный вечер успел смениться густой ночью. Ну да, она снова ушла в свои мысли и словно отключилась от внешнего мира. Она не раз ловила себя на этом дома, в тишине, но сейчас в комнате, за стеклянной дверью лоджии, было полно народу: орала музыка и смеялись друзья. А она совсем ничего не слышала.

«Зря я сюда пришла. Развлеклась, называется...», – Катерина раздавила окурков в пепельнице и, вернувшись в комнату, взглядом начала разыскивать Максима Федина, чтобы попрощаться.

Вечеринку и устроил Федин по случаю получения внеочередного звания «старший лейтенант полиции». Еще в марте он лично был задействован в операции по задержке наемного убийцы. Около месяца назад состоялся суд, на котором киллеру дали вполне приличный срок, а приказ о назначении Федина пришел только сегодня утром.

– Куда это ты собралась? – Максим, конечно, не желал ее отпускать, наоборот пытался всучить очередной бокал вина. – Ты же нам самого главного все еще не рассказала!

– Да брось, какое главное... ерунда все, – Катерина упрямо выдернула свой плащ из кучи одежды, сваленной на диване, и коротко попрощалась с присутствующими.

Федин же так просто не сдавался, и, не успела Катя спуститься на первый этаж, когда он ее догнал:

– Я тебя провожу, а то у нас здесь район бандитский. Что ты такая кислая-то весь вечер? Результаты из комиссии, что ли, пришли? Не сдала?

– Не сдала, – ответила она, стараясь, чтобы не дрогнул голос.

Максим мигом притих.

– Вот траура только не надо! – грубовато попросила Катя. – Ничего страшного, переживу.

– Да я просто не пойму, как ты умудрилась не сдать... У нас следак есть прокурорский⁶, он тоже в судьи намыливается – Абрамов – помнишь его? Он ведь дуб дубом, и то сдал.

– Ну, спасибо – утешил!

– Да я не в том смысле... – спохватился Максим. – И что теперь будешь делать? В свою консультацию вернешься? Вон такси!

Слава богу, что на последний его вопрос не пришлось отвечать – Катя села в автомобиль, пообещала позванивать иногда и осталась, наконец, в одиночестве. Водитель не в счет. Максима Катя считала своим другом, наверное, он искренне за нее переживал, а она ему наврала. Впрочем, не ему одному. Катерина уже несколько месяцев вынашивала надежду стать судьей. Она и по возрасту подходила, и по образованию, и опыт в юриспруденции достаточный – пять лет на должности адвоката в юридической консультации.

По поводу сдачи экзамена она переживала больше всего – так вышло, что времени на подготовку у нее совсем не было, а стоило на один вопрос ответить неверно, и экзамен считался бы проваленным: экзаменационная комиссия жалостливостью не отличалась. Но Катерина сдала на «хорошо», правда к тому времени это уже было неважно. После прохождения психодиагностического обследования женщина-психотерапевт пригласила Катерину к себе, долго разговаривала с ней на отвлеченные и совершенно не относящиеся к делу темы, после чего проговорила, с укоризной в голосе:

– Вам бы не о суждестве сейчас думать, а о здоровье. Налицо депрессивный синдром – как я могу вас в таком состоянии допустить на ответственную должность? У вас случилось что-нибудь?

– Нет, у меня все хорошо, – упрямо ответила Катя, раздражаясь деланной участливости докторицы.

Едва ли врач ей поверила, но лезть в душу, слава богу, не стала:

– Вы бы обстановку сменили, – посоветовала она, – на воздухе побольше нужно бывать. Хотите, я направление к районному психотерапевту выпишу? А через полгодика можете снова попробовать подать документы.

Приговором это не было, и подобная резолюция врача даже не исключала для Катерины возможность вступить в должность – хотя шанс теперь был ничтожным.

Сама себе она твердила, что в депрессии нет ничего зазорного. Явление это встречается сплошь и рядом, и хоть раз этим «переболел», наверное, каждый. Но пересилить себя она не могла, и гораздо охотнее говорила знакомым, что не сдала экзамен, чем признавалась, что у нее какие-то проблемы с психикой.

Катерина и сама была уверена, что сказала психотерапевту правду: ничего особенного в ее жизни не случилось. Ну да, было несколько неприятных эпизодов: она угодила в небольшую заварушку, в результате которой ее московская квартира сгорела, а самой пришлось фактически прятаться в подмосковном Старогорске под чужим именем и даже поработать в тамошней библиотеке. И – да, у ее виска держали револьвер, грозя убить. На фоне этого уж совсем мелочью выглядело то, что пришлось уволиться с работы.

Но случилось это все почти полгода назад. Какой же нужно быть размазней, считала Катя, чтобы переживать из-за событий полугодичной давности? А считать себя психически неустойчивой размазней Катерина Астафьева никому позволить не могла, даже самой себе.

Именно для того, чтобы доказать себе, а заодно и человечеству, что нет у нее никакого депрессивного синдрома (тьфу ты, слово-то какое мерзкое!), Катя и решила навестить Старогорск еще раз.

⁶ Здесь и далее имеется в виду Следственный комитет (СК). Не путать с Прокуратурой РФ – этой совершенно другой орган с другим набором полномочий

«Если у меня депрессия от одних только воспоминаний об этом городе, – думала Катя, – то я там и дня провести не смогу – вот и проверим!»

Пришла эта идея ей в голову после того, как два месяца назад в ее размеренную и тихую жизнь, а так же квартиру, вселилась Лина Сухарева – говорливая и взбалмошная девица, с которой Катя познакомилась в том же Старогорске. Лина тогда тоже делала вид, что работает в библиотеке. Только не из конспирации, как Катя, а чтобы таким образом закрыть старые долги по производственной практике – она училась на журфаке.

Лина на пару дней приехала в Москву по каким-то своим делам и напросилась пожить у Кати. А уехав, не уставала названивать раз в два дня и спрашивать, когда же Катя приедет с ответным визитом.

И около недели назад Катя решила приехать.

Сегодняшнее утро было безоблачным и свежим, хотя Астафьева только отметила с неудовольствием, что днем, наверное, опять будет жара под сорок градусов. Она умылась, почистила зубы и, сев к зеркалу, начала тщательно маскировать темные круги под глазами, одновременно задаваясь вопросом: зачем и для кого она это делает. Медно-золотые волосы, которые прежде по часу могла завивать и укладывать, сейчас просто стянула на затылке в «хвост» – и на этом сочла туалет законченным.

Лина спала обычно до полудня, потом быстро собиралась, отбывала в неизвестном направлении. Вечерами она тем более не радовала своим обществом. Отпуск в Старогорске Катя коротала в основном в одиночестве в огромной Линкиной квартире: недавно подруга развелась с мужем, вторым по счету, который оставил ей данные апартаменты в безраздельное пользование.

Устроившись в кухне, Катя заварила крепкий кофе и запила им горсть антидепрессантов, рекомендованных докторицей. Съела ровно две ложки творожной массы, после чего поняла, что голодна. Борясь с ленью, Катя выбралась в лоджию, закурила и принялась раздумывать, чего ей больше хочется: посмотреть еще одну серию скучного сериала; выбраться, наконец, хоть куда-то – как-никак Старогорск считался культурным городом, и здесь было на что посмотреть; или просто проверить электронную почту, будто там и впрямь может быть что-то важное. Еще можно вернуться в свою комнату и поспать пару часиков – этот вариант был самым манящим...

В глубине квартиры щелкнул замок входной двери, и плавные ежеутренние мысли Катерины вмиг разлетелись. Должно быть, это все те же отголоски этой ее депрессии, но Катя вздрагивала от каждого постороннего шороха, а в любом мужчине, бросившем на нее заинтересованный взгляд, видела не потенциального бойфренда, а маньяка.

С трудом уговорив себя, что ей послышалось, что Линка спит в своей комнате, а кроме нее открыть дверь ключом никто не может, она попыталась успокоиться. Но теперь уже отчетливо хлопнула дверь, вслед за хлопком прошуршали шаги по коридору в сторону кухни, куда выскочила из лоджии Катя. Теперь уже она запаниковала, заметалась, не зная, куда спрятаться. Вот мелькнула фигура за матовым стеклом двери, а Катя только прижалась спиной к стене, зажмурилась, мечтая стать невидимой, и услышала... сонный, умиротворенный зевок.

– Утро-то сегодня какое хорошее! Солнышко! Ты чего бледная такая, Катька, не выпалась?

Лина, полностью одетая, разморено потягивалась, стоя на пороге лоджии, и жмурилась солнечному свету.

– Да я... нервы у меня ни к черту, – призналась Астафьева, без сил присаживаясь на краешек табурета, – а ты куда ездила в такую рань?

– Куда ездила? – изумилась вопросу Лина. Она выбрала из вазы яблоко покрупнее и принялась его грызть с таким аппетитом, что Кате тут же захотелось есть, – и тебе с добрым

утром, подруга: я тебе уже неделю толкую, что шестого июня, то есть сегодня, еду забирать диплом. Вечно ты меня не слушаешь, непонятно о чем думаешь. Все, отучилась! Теперь я дипломированный журналист, хоть к двадцати шести годам, но все-таки. Можешь поздравить.

– Поздравляю, – машинально ответила Катя и вспомнила, что Линка действительно что-то такое говорила. – Чем теперь заниматься планируешь? В журнал какой-нибудь устроишься?

Лина только что доела яблоко и собралась уже прицельным выстрелом забросить огрызок в мусорную корзину, но, вместо этого, с легким недоверием в небесно-голубых глазах воззрившись на Катю, будто та сказала что-то неприличное.

– В журнал? В смысле работать, что ли?! – и, догадавшись, что Катя сказала это абсолютно серьезно, хохотнула. Потом бросила все-таки огрызок в ведро, тяжело плюхнулась на соседний табурет и, с видом умудренной опытом женщины, назидательно заговорила:

– Работать, Катюша, должны мужики. Ну, или те бабы, которые нормального мужика себе найти не могут. А девушки, умные и красивые, такие как... – она, наверное, хотела сказать "я", но, смерив подружку взглядом, все же сказала: – как мы с тобой, должны этих мужиков развлекать. Мужчины, я тебе авторитетно заявляю, работающих женщин не любят, они их воспринимаю, как соперниц. А зачем нам соревноваться с мужчинами, сама подумай?

Катя сдержанно улыбнулась, дивясь про себя, как судьба умудрилась свести ее с подобным незамутненным существом. Катя Астафьева, всю жизнь придерживающаяся несколько эмансипированных взглядов, таких огламуренных девиц старалась обходить за километр. Видимо, это внешность Линки, в которой о гламурности напоминали только волосы оттенка блонд, сбила Катерину с толку. Да и блондинкой, скорее всего, она была натуральной, а волосы носила не локонами, а делала короткую стрижку с постоянным творческим беспорядком на голове. В силу той же натуральной блондинистости никакой загар к ее бледно-розовой коже не лип, что тоже отличало Линку от большинства особей подвида. Не говоря уже о том, что от идеалов с обложек Лина была далека размеров на шесть, что, впрочем, вовсе не мешало ей нравиться мужчинам, о чем говорят два ее бывших брака и телефон, по которому она все время договаривалась о свиданиях.

В другой раз Катя бы улыбкой и ограничилась, потому что никогда не любила пустых дискуссий, но утренние антидепрессанты, должно быть, начали действовать, потому что Астафьева решила подловить Линку на противоречиях:

– А училась зачем? И ладно бы в Институте нефти и газа, но это ведь журфкт был. Смысл? – Лина хлопнула ресницами, как будто и впрямь раздумывая, почему так сглупила. Катя продолжала, чувствуя собственную правоту: – И, потом, ты же не всегда будешь молодой и красивой...

Линка ее перебила:

– ...А когда я молодой и красивой быть перестану, я уже буду давно и прочно замужем.

– Ты уже была замужем. Два раза, – поддела Катя.

– Ошибки молодости! Я же не виновата, что мне пока одни идиоты попадались!

– Может, ищешь не так?

Лина поджала губы, а Катя поняла, что сказала не то. Ну, кто ее все время за язык тянет?..

– Я хоть как-то ищущу! И хоть что-то делаю, – холодно заявила Лина, прихватила из вазы еще одно яблоко и ушла.

Признаться, крыть было нечем. В настоящее время не было у нее ни роя поклонников, ни браков за плечами, ни трехкомнатной квартиры в центре. Ни даже работы. По всем пунктам Лина ее обходила. Разве что кроме работы – здесь они были на равных.

Вскоре Линка собралась и ушла из дома: удивительная способность наполнять жизнь событиями, не занимаясь всерьез абсолютно ничем. Лина была, что называется, девушкой без определенных занятий. Позиционировала себя как журналистку, хотя Катя пока что ни разу не

видела ее сидящей над писанием текстов. Да, честно говоря, ее и невозможно было представить работающей...

Наблюдая за сюжетом сериала, Катя твердила себе, что теперь, когда она умудрилась поспорить с добрейшим существом – Линкой, уж точно пора сворачиваться и возвращаться в Москву. Смотреть сериалы можно и дома. Правда, вместо того, чтобы встать и пойти собирать чемодан, она свернулась калачиком и незаметно для себя уснула прямо перед телевизором.

Заливистые трели телефона грезилась Катерине даже во сне – целыми сутками она ждала звонка из Квалификационной комиссии судей, так что ничего удивительного. Но и когда она отогнала остатки сна и села на постели, телефон не замолкал.

«Это они!» – мгновенно догадалась Астафьева и бросилась искать телефон. Катя ни секунды не сомневалась, что ее кандидатуру все-таки одобрили, и даже не сразу поняла, почему на дисплее высветилось имя ее бывшего шефа в юридической консультации. Какое он имеет отношение к судейству?

– Ну, здравствуй, Катерина, – буднично заговорил тот, – как поживаешь? Как дела?

– Так себе, – не стала лукавить Катя, – бывало и получше.

– Без работы, значит, сидишь? А у меня тут клиентка как раз по твоему профилю: грохнула мужа, теперь доблестная полиция таскает ее на допросы. По слухам, уже собираются ей выносить обвинение. Клиентка вкусная, скупиться не будет – ей от мужа такое наследство осталось...

– Коля, я же русским языком сказала, что больше не работаю.

– Я помню, но раз уж ты все равно ничем не занята. Сама подумай, когда еще с такой клиентурой подфартит?

– Коля! – попыталась перебить его Катя.

– ...ты понимаешь, что никто из моих это дело не потянет! Доказательства у ментов железные – просто так ее не вытацишь! Чего ты добиваешься: хочешь, чтобы я тебе процент увеличил – так прямо и скажи!

– Коля, я не буду больше у тебя работать! – повысила голос Астафьева. – Меня тошнит от твоих клиентов, по которым зона плачет! Ты как будто специально одних уголовников к себе притягиваешь! Я в твою контору не вернусь – это мое окончательное решение.

– Окончательное, говоришь, – голос у шефа стал жестким, – надеешься, что на своем судействе больше заработаешь? Сомневаюсь, Катюшка. Ну что ж, старайся, чтобы бабок, которые твой папаша покойный наворовал, тебе надолго хватило, потому что в Москве ты больше в адвокатуре место не найдешь!

Сдерживая слезы – от кого-кого, а от Коли она такого выпада не ожидала – Катя в долгу не осталась и ответила коротко, но не вполне цензурно. А потом сидела, с минуту слушая гудки в трубке и понимая, что теперь действительно подвела черту под своей пятилетней адвокатской практикой. Пути назад больше нет, в то время, как и перспектива судейства была довольно туманной. Из очередного транса ее вывел щелчок входной двери – опять вернулась Лина.

– Ка-ать! – с порога позвала она, и Катя, только теперь отключив телефон, лениво выползла в прихожую. – Я тут подумала: а чего бы мне и правда не устроиться в журнал?!

Она сияла и радовалась, будто лучшей идеи никогда не приходило в ее голову, и прыгала на одной ноге, потому что со второй снимала туфлю. От утренней обиды, если она и была, следа не осталось:

– Ты представь, как было бы здорово! – В конце концов, переобувшись в домашние тапочки в виде розовых зайцев, Лина приосанилась, втянула живот и с достоинством произнесла: – Журналист Ангелина Сухарева! Нет, лучше псевдоним взять – Лина Стар! Нет, Лина... ладно, потом что-нибудь придумаю. Главное, я сама начну зарабатывать деньги! Ни от кого не буду зависеть. А Вениамина Степановича брошу – все равно он на мне никогда не женится... – Про Вениамина Степановича Катя решила лучше ничего не спрашивать. Лина

рассуждала уже больше про себя, медленно вышагивая по коридору и мечтательно глядя в потолок, представляя себе, видимо, сцены из будущей жизни. – Мужики, Катя, вообще-то люди ненадежные: сегодня любит – завтра нет. А так я сама себе хозяйкой буду. Стану известной. Познакомлюсь, наконец, с Андреем Малаховым.

Катя рассеянно покивала. Аргументы были действительно вескими.

– Тем более что мне как раз на днях предлагали работу. Есть у нас, в Старогорске, такая газета «Чайковка» – так вот, ее главред, Игорек Маликов, мне втюхал свою визитку и интересовался, не хочу ли я у него поработать. И звонил после этого уже два раза. Вот мужики, а? Не успела девушка развестись, они уже тут как тут с такими предложениями... Хотя Игорек, конечно, ничего, симпатичный. Почему бы мне действительно у него не поработать, а?

Катя поняла, что теперь знает, что такое черная зависть. И тут же тряхнула головой, уговаривая себя, что нужно радоваться удачам других – пусть даже и таким необоснованным удачам.

Но ее система ценностей рушилась. Ни разу в жизни потенциальный работодатель ей не "втюхивал визитку" и не названивал потом. А Катя всего полчаса назад считала себя успешным юристом, а Лину – гламурной блондинкой с весьма сомнительными способностями.

– И... в какой области ты работаешь? Про что пишешь? – спросила она, чтобы Линка не заметила ее недоумения.

– Я? Да про все... – скромно пожала плечами Лина, – я ведь и в Москву к тебе приезжала как раз, чтобы взять интервью у ди-джея одного известного ночного клуба. Так вот, Игорек то интервью прочитал, и ему понравилось. Хвалил меня. Только, говорит, ошибок грамматических много, а так я очень перспективная.

Не откладывая в долгий ящик, Лина созвонилась с «Игорьком», продемонстрировав, что не выдумала эту историю. Потом снова собралась и отправилась в редакцию.

Еще минут пять после ее ухода Катя пыталась смотреть свой сериал, но вникнуть в суть страданий героини не получалось совсем: мысли все время скатывались к тому, что Линка уже и с работой ее опередила. И у кого после этого «сомнительные способности»?

Рывком она поднялась с дивана, полная решимости через силу, «хоть тушкой, хоть чучелом» выбраться куда угодно. Хоть в парикмахерскую, хоть по магазинам, хоть смотреть эти идиотские городские достопримечательности – лишь бы куда-то выбраться из этого унылого однообразия.

Глава 2. Первые шаги

Развлечь себя Катя решила походом по магазинам, благо квартира Лины располагалась как раз в центре, там же, где и лучшие бутики города. Она даже купила себе очередную юбку, еще одну сумку, две пары туфель и едва не приобрела платье, стоящее половину ее месячной зарплаты. Правда, вовремя спохватилась, вспомнив, что зарплаты у нее больше не будет. К тому же, ни покупки, ни прогулка так и не порадовали.

Снова с прежней силой накатила тоска. Захотелось опять спрятаться в своей скорлупе, точнее в роскошной Линкиной квартире. Встал вопрос: как возвращаться на Суворова? Можно было вернуться на проспект, а там поймать маршрутку, а можно сократить путь и пройтись дворами. Здесь недалеко, и заблудиться в небольшом городе невозможно.

Мысленно Астафьева все чаще возвращалась к разговору с бывшим шефом и уже не была так уверена, что ей никогда не захочется вернуться к привычной работе. Она же больше ничего не умеет, кроме как находить огрехи в работе полиции и за счет этого вытаскивать своих клиентов. А что если на должность судьи ее так и не назначат? На что ей тогда жить? Миф о деньгах, якобы наворованных папой, сильно преувеличен: и без него было кому те деньги поделить. Только кто же поверит, что свою пулю в голову отец получил ни за что...

Погруженная в себя, Катя не сразу сообразила, что шагает уже не по чистенькой и ухоженной дорожке с пышными кустами шиповника по обе стороны, а по разбитому асфальту какой-то мрачной улицы. С удивлением она обнаружила, что в Старогорске далеко не все улицы такие же вылизанные и аккуратные как Суворова. Переулок, куда она забрела, был на удивление безлюдным, только мерзко каркали вороны на сухих карагачах.

Когда навстречу ей неизвестно откуда выплыл мужчина в застиранной клетчатой рубашке и, заметив ее, начал приближаться, Катерина и вовсе запаниковала. Она готова была уже развернуться и спастись бегством, когда мужчина окликнул ее:

– Девушка! Девушка, можно вас на две минуты буквально?

– Меня? – Катя инстинктивно шагнула назад.

– Ага, вас!..

На мгновение Катерине показалось, что незнакомец опасности не представляет, и она даже позволила ему приблизиться, о чем сразу пожалела. Мужчина ненавязчиво взял ее под локоток, и путь назад уже был отрезан.

– Вы понятой⁷ не побудете? Это на две минуты, не больше, – просительно заглянул он ей в глаза и представился, – лейтенант полиции Страхов.

И тут же показал удостоверение сотрудника МВД.

Астафьева еще ничего не ответила, а он уже настойчиво подталкивал ее в сторону колючего шиповника. Кусты были очень неприглядными, и Катя не сомневалась, что ничего хорошего ей эта встреча не принесет. Удостоверение он даже не раскрыл, да и вообще такую книжицу на любом рынке купить можно... Но бежать было некуда: улица длинная и безлюдная, а она на каблуках, с грудой пакетов, и бегунья из нее та еще...

– Осторожно... не поцарапайтесь, – мужчина задержался, отодвигая для нее колючую ветку, и заботливо подал руку. Вот тут-то Катя, бросив пакеты и наплевав на туфли, в несколько шагов прямо по грязи оторвалась от спутника. Правда, все равно пришлось остановиться: в траве, у самых ее ног, ползал еще один мужчина – это-то уж точно был полицейским. По крайней мере, форма выглядела натурально. Невдалеке тоже на корточках копошились, выискивая что-то, еще двое. За газоном, на асфальтированной дороге были припаркованы полицейские УАЗы, черная «Волга» и микроавтобус, в каких выезжают на место происшествия следственные группы СК⁸. Возле машин тоже были полицейские – кто в форме, кто в штатском.

Никогда еще Катерина так не радовалась встрече с родной полицией.

– Девушка, что же вы пакетики бросаете! – снова придержал ее за плечо лейтенант Страхов и крикнул кому-то: – Денис! Вот... еле нашел. Сейчас еще кого-нибудь приведу.

Денисом он назвал молодого следователя, который, впрочем, не обратил на Катю внимания, а возился с бумагами. Некоторый опыт общения с полицией Катерина имела и понимала, что две минуты, которые обещал лейтенант, растянутся минут на сорок. Если еще в отделение ехать не заставят. Так что самым разумным было воспользоваться моментом и уйти. Так бы, наверное, Катерина и поступила, но, оглядевшись, заметила лениво переговаривающихся у «Волги» двух полковников и знакомого ей мужчину в штатском. Пару секунд она размышляла, как поступить, а потом уверенно направилась к троице.

– Юрий Николаевич, – бесцеремонно вмешалась Катерина в беседу, – вот уж не ожидала вас здесь встретить.

Полковники дружно оценили ее взглядом и как по команде приосанились и подтянули животы. Третий – Юрий Николаевич Ваганов – не потрудился даже руки из карманов вынуть,

⁷ Лицо, приглашаемое для участия в производстве осмотра, обыска, выемки, освидетельствования, опознания и других следственных действий в случаях, предусмотренных уголовно-процессуальным, а также административным законодательством.

⁸ Здесь и далее: Следственный комитет РФ – следственный орган в России, образованный вместо Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации. Начал свою деятельность 15 января 2011 года

и живот не подтягивал, потому как его не было. Астафьева улыбнулась полковникам и еще обворожительней улыбнулась третьему.

– А уж я-то как не ожидал, Катерина Андреевна! – ответил Ваганов.

Это был заместитель начальника Следственного отдела СК Старогорска. Познакомил Катерину с ним Максим Федин во время все той же вынужденной командировки полгода назад. Не сказать, что их отношения с тех времен были теплыми, но, встретив сегодня Ваганова здесь, Катя искренне была ему рада. Даже настроение улучшилось.

Перекинуться хотя бы парой слов они не успели: следователь попросил подойти понятых, и Катерине показали только что найденные в траве ножницы. Лезвия были перепачканы то ли ржавчиной, то ли кровью – даже вникать не хотелось. Астафьева быстро расписалась на всех страницах протокола и вернулась к замначальнику следствия. Они стояли чуть в стороне от огороженного лентой участка, где все еще проходили следственные действия. Видимо звезды сегодня сошлись очень удачно, потому что, вопреки обыкновению, Ваганов был само обаяние: с интересом расспрашивал Катерину, сам много и охотно говорил, даже пошутил пару раз вполне смешно. Оказалось, что во внеслужебное время он совершенно адекватный человек.

Один только раз в разговоре Катя омрачилась.

– Я на днях как раз с Алексеем Никитиным разговаривал по телефону, он вам привет передавал, – осторожно поделился Ваганов и быстро добавил: – на случай, если я вас увижу, конечно.

– Да? И как он?

Леша Никитин, адвокат из Санкт-Петербурга, это тот эпизод Катиной жизни, который бы она хотела забыть вовсе. У них был роман – командировочный, двухнедельный и закончившийся так же неожиданно, как и начался. Вспоминать не хотелось, но уж если Ваганов сам поднял тему...

– Да ничего, вроде бы.

– Кто бы сомневался! – слишком резко ответила Катерина.

Повисла неловкая пауза, в течение которой Катя лихорадочно выдумывала тему для продолжения разговора.

– Катя, зря вы сердитесь на Алексея, – первым заговорил Юрий Николаевич, – он во всем был прав тогда: зря я вас втянул в ту операцию с киллером. Глупо с моей стороны было надеяться, что обойдется без перестрелки. Я очень перед вами виноват.

Он испытующе и прямо смотрел ей в глаза – Кате стало не по себе и захотелось сменить тему:

– А мне вот пришлось из юридической консультации уволиться. Частично из-за той истории, – выпалила она первое, что пришло в голову, и вымученно улыбнулась.

– Да, но я слышал, но вы вроде в Судейскую Коллегию подавали документы?

– Подавала... Но сомневаюсь, что что-то получится.

Катя произнесла это и вдруг впервые осознала, что шансов у нее действительно нет. Если не позвонили до сих пор, то надеяться уже не имеет смысла. Ваганов покивал, как будто подслушал ее мысли. У Кати появилось ощущение, что он сомневается, сказать или не сказать что-то еще. Но все-таки произнес:

– А поработать в СК вы не думали? Квалификация у вас подходящая, а у нас в отделе как раз место недавно освободилось.

– Юрий Николаевич, – замялась Катя, – я ведь адвокат бывший, вряд ли что-то выйдет. Да и вообще...

– Ерунда все это – насчет адвоката, – заверил Ваганов, – любой вопрос решается, если есть поддержка сверху. А у вас она есть.

– Спасибо за предложение, очень лестно его получить от вас, но... – Катя осторожно покачала головой, больше всего на свете боясь обидеть Ваганова.

– Дело ваше, но все-таки вот моя визитка – вдруг передумаете. Но даже если и не передумаете, не выбрасывайте. Можете обращаться ко мне по любому вопросу.

– Даже по личному? – хмыкнула Катя, понимая, что ни с того ни с сего вдруг начинает кокетничать, и стрельнула взглядом в Ваганова.

– Личному вопросу буду особенно рад, – через мгновение отозвался Юрий Николаевич и натужно улыбнулся. Правда, Кате эта улыбка показалась теплой и очень многозначительной.

Они попрощались, но не успела Астафьева сделать и двух шагов, как рядом остановилась та самая «Волга», а улыбчивый водитель кивнул на пассажирское сидение:

– Садитесь, Юрий Николаевич велел вас отвезти, куда нужно.

Странный он, этот Ваганов, – уже в машине думала Катя, рассматривая его простую белую карточку с высоким столбиком телефонных номеров, – неужели всерьез рассчитывает, что она пойдет работать к ним в Следственный комитет? Вот еще! Конечно, положение у нее сейчас бедственное, но не настолько же. Впрочем, скоро она пришла к выводу, что это был лишь повод, но удивляло это Катерину не меньше. Когда они общались с Юрием Николаевичем в прошлый раз, никакого интереса с его стороны Катя к себе не замечала. Хотя, тогда вокруг нее все время вился Лешка Никитин, не давая Ваганову ни единого шанса, а теперь Никитина нет – окончилась его командировка, он уехал в Санкт-Петербург, и больше Катя о нем ничего не слышала. Кроме того, что он живет вполне счастливо и шлет ей приветы через общих знакомых.

«Ну и пусть себе живет... – решительно подумала она, – а я буду ходить на свидания с Вагановым – раз они регулярно созваниваются, то Ваганов ему рано или поздно об этом доложит».

Остаток пути она ехала с легкой улыбкой на губах: жизнь потихоньку налаживалась.

Газета Игоря Маликова называлась «Чайковского, 8». Видимо, он хотел, чтобы адрес редакции по аналогии с «Петровкой, 38» и «Литейным, 4» стал именем нарицательным. И это у него вполне получалось. Уже несколько лет деньги на рекламу вообще не тратили – газете просто это не было нужно. Название и без того упоминалось по телевидению, на радио и в других газетах. Правда, чаще всего на журналистов «Чайковки» выливались потоки грязи, что закономерно. Просто статьи были уж очень смелыми и часто затрагивали деятельность уважаемых людей. Коллектив газеты был небольшим, но каждого сотрудника Игорь находил сам, сам же работал с ним, «натаскивал». Рядом с Игорем вчерашние, никому не известные студенты журфака становились популярными авторами за несколько месяцев. А через полгода их уже переманивали столичные издания.

Лина Сухарева имела все основания надеяться, что и в ней Игорек разглядел нечто такое, из чего можно вылепить знаменитость.

Личного кабинета, на который она так рассчитывала, Лине не выделили. Вместо этого отвели стол в общей комнате, где кроме нее обитало еще семь человек. Где было шумно, накурено и вообще все казалось не так, как она себе придумала. Оглядев новые владения, Лина все же опустилась на стул, решив, что, наверное, все знаменитые журналисты начинали свою карьеру с подобного. Несколько скрасил существование довольно мощный компьютер с выходом в Интернет и с установленной базой данных, в которой можно было найти имена и адреса всех ее подруг и друзей – чем Лина и развлекалась дни напролет.

Странно, Лина работала в редакции почти неделю, а за это время ей так и не проучили ничего написать. Да и Игорь не спешил с ней делиться секретами журналистского мастерства. Нет, проводил с ней время Игорь даже больше, чем с другими сотрудниками, но общались они в основном не о работе. Лина даже начала подозревать, что относится к ней Маликов несерьезно – почему-то это было обидно. Неласковым взглядом Лина смотрела на соседний стол, над которым голова к голове склонились журналистка Ершова и Игорь и обсуждали что-

то, связанное со статьей. Лине сразу подумалось, что Ершова хоть и страшила-страшилой – всю неделю ходит в одних джинсах – но Игорек ее уважает. Завоевать уважение Игорька почему-то очень хотелось.

И тут Лина поняла, что это снова произошло – она влюбилась. Не вовремя-то как...

Игорь Маликов был очень хорош собою. Светловолосый, с тонким интеллигентным лицом и немного отрешенным взглядом за стеклами очков. Разве что очень худощавый, хотя сила в нем чувствовалась. Еще больше лицо его преображалось, когда он начинал говорить о работе. По всему было видно, что редакцию свою Игорь не просто любит – он ею живет.

Игорь мало говорил и почти никогда не шутил – гораздо больше времени он проводил в молчаливых раздумьях, но каким-то образом умудрялся быть всегда в центре внимания. Лина уже в первые дни работы в «Чайковке» поняла, что большинство девушек в редакции к Маликову равнодушны. Одна невзначай ногу на ногу закинет, едва он входит в комнату, вторая томно понижает голос при разговоре с ним.

На новенькую Лину редакционные девицы поглядывал искоса – сперва Лина решила, что те просто считают себя звездами журналистики, которым она не чета, но быстро сообразила, что «звезды» банально ревнуют «своего» Игоря к ней. И ревнуют небезосновательно. Сухарева была единственной из всей редакции, кому главред позволял называть себя Игорьком – Лина звала его так с тех самых пор, как их познакомил ее муж. Обедали они вместе, а после работы Игорь сам отвозил ее домой. Все это она воспринимала как само собой разумеющееся – Лина привыкла к такому отношению.

Когда Сухарева впервые заметила на пальце Игоря обручальное кольцо, почувствовала неудовольствие: у нее был принцип не связываться с женатыми. Но, в то же время, Игорь ей очень и очень нравился. И еще больше расстроилась после того, как в бумажнике Игоря, когда тот расплачивался за обед, увидела фотографию миленькой девочки.

– Дочка, – не без гордости подтвердил ее догадку Маликов.

Фотографии жены, что любопытно, ни в бумажнике, ни на его столе не было, благодаря чему Лина немного утешила себя мыслью, что жена у Игорька страшная, как атомная война, старая и отвратительно готовит – поэтому Игорь такой худой. И, конечно же, обладает скверным характером, потому-то у него такой обреченный взгляд.

Тут и возникло у Лины желание заставить пожалеть Маликова, что он женат. Что Лина – молодая, очаровательная, умная и находчивая – во всех смыслах лучше его жены. Ну а как можно доказать это человеку, который больше всего на свете увлечен журналистикой?

– Игорек, я хочу написать какую-нибудь статью, – объявила за обедом Лина, почерпнув подтаявшее мороженное из вазочки.

– Про что же ты хочешь написать? – охотно поддержал ее Игорь.

– Ну, журналист я начинающий, так что в политику пока лезть не буду, про всякие преступления тоже не хочу писать. Мне бы про что-нибудь культурное... – Лина обвела взглядом площадь, на которую открывался вид из окна кофейни, где они сидели, и задержалась на уютном двухэтажном здании. Это была отстроенная уже полгода как, но так и не открывшаяся гостиница. – Да вот хотя бы, попытаюсь разобраться, почему гостиница «Старый город» до сих пор не работает – проведу журналистское расследование.

Игорь недоверчиво на нее посмотрел, потом оглянулся назад, на гостиницу, и горько усмехнулся:

– Это не про культуру, Лина. Мне кажется, ты эту тему не осилишь.

– Почему это? – изумилась она, теперь уже твердо решив, что будет писать про «Старый город» и ни про что иное.

– Ты хоть знаешь, кому эта гостиница принадлежит?

Лина пожалала плечами:

– Патровой, наверное. В Старогорске почти все ей принадлежит.

По лицу Игоря она поняла, что попала в точку, чему была очень рада. Маликов откинулся на стуле и кивнул:

– Да, Патровой. А не открылись они до сих пор, потому что Администрация Старогорска теперь заявляет, что гостиница построена незаконно. Взялись проверять документы на землю, а быстро наши чиновники ничего не умеют делать, сама понимаешь. Так что я тебе и без твоего расследования скажу, что гостиница не меньше года еще простоит незаселенной.

Для Лины это было самой настоящей новостью, а дослушав Игоря, она неподдельно изумилась:

– А я думала... Патрову же местному телеканалу постоянно с кем-то из Администрации показывают. Как его? Катасонов... симпатичный такой, молодой. – Лина понизила голос, будто доверяла великую тайну. – Я слышала, что Патрова этому Катасонову и помогла-то пост в Администрации занять! Неужели он не смог ей помочь этот кусок земли выторговать?

Чашка с кофе остывала на столе перед Игорем – Игорь, уже не отрываясь, смотрел на Лину почти так же, как сегодня утром на Ершову. С уважением. Лина ликовала и больше всего боялась теперь испортить впечатление, сморозив какую-нибудь глупость.

– Ты права, Линочка, злые языки поговаривают, что Катасонов действительно занял свое место не без помощи Патровой. Еще более злые – что он получает процент с каждого отстроенного Патровой объекта. Катасонов ведь занимает не последнее место в отделе, заведующим земельным фондом Старогорска: казалось бы, помочь Патровой ему сам бог велел. Почему он этого не делает? Здесь два варианта. Кому-то в Администрации действительно не все равно, что государственную землю в центре города передают в частные руки – это фантастический вариант, – Игорь криво улыбнулся, вслед за ним вяло изобразила улыбку Лина, – а реалистический – на землю под гостиницей позарился кто-то другой, кто предложил Катасонову более высокий процент, чем Патрова.

Маликов, наконец, вспомнил про кофе и потянулся к чашке. Лина перемешивала окончательно растаявшее мороженое, и мысленно пыталась расставить по местам все то, что наговорил Игорь. А расставив, выдала:

– Давай я тогда возьмусь за Катасонова и узнаю, кто ему платит деньги за то, чтобы он придержал открытие гостиницы?

Похоже, Игорек счел ее слова глупостью и снова разочаровался в ней. Он одним глотком допил кофе и посмотрел на нее с ласковой улыбкой, как смотрел папа, когда она в детстве читала стишок, забравшись на стул. Но Лина как никогда была уверена в своих силах – есть у нее кое-какие козыри.

Еще на лестничной площадке Лина почувствовала невероятно вкусный запах и в очередной раз дала себе слово, что когда-нибудь научится готовить не хуже. Да что уж – хоть как-нибудь научится готовить... Как ни странно, запах доносился из-за ее собственной двери: неужели Катька, наконец, ожила? В следующую минуту Лина, как мышонок Рокфор из мультфильма, шла на запах, пока не отодвинула крышку сковороды и не схватила пальцами горячий кусок мяса.

– М... – постанывала от удовольствия она, – Катька, если б я знала, что ты так здорово готовишь, я бы тебя еще раньше в гости позвала...

– Руки помой хотя бы, – слабо попыталась возразить Катя и добавила: – у нас на ужин свиные отбивные с цветной капустой.

Заморив червячка, в смысле влет уничтожив отбивную, Лина решила отпустить сковороду:

– Ты прям садистка – я же как раз сегодня решила на диету сесть.

– Так тебе салатик сделать? – всерьез спросила Катя.

– Нет уж, не сегодня. О, у нас и винцо есть? Сейчас бокалы найду... Диету ведь можно и на завтра перенести. А телячьи отбивные завтра уже остынут.

– Правильно. И вообще, тебе зачем худеть?

– Ты, наверное, специально меня раскармливаешь, – проворчала Лина, найдя бокалы и уже наворачивая мясо вместе с капустой, – говорят же: женское счастье – лысые подруги. – Божественно!.. – не прожевав кусок, похвалила она. А прожевав, спросила: – в честь чего праздник, кстати?

– В честь твоей новой должности.

Вспомнив о редакции, Лина несколько погрузтелла. Она ведь и худеть собралась с одной единственной целью – больше соответствовать худосочному Игорю. Лина уже без аппетита потыкала мясо вилкой и как воду отпила вино, даже не почувствовав вкуса:

– Катк, почему я такая невезучая? В кои веки нормальный мужик попадетя и тот...

– Женат, что ли?

– Хуже. У него еще и ребенок... Слушай, ну ее к черту, эту работу – давай лучше за любовь выпьем!

– Прекрасный тост! – с интонацией Людмилы Прокофьевны из известного фильма, согласилась Катерина.

– За первого по большой любви замуж вышла – он моим одноклассником был... – Вино и отбивные, перемежая их с неспешным разговором, подруги давно прикончили. Бутылка коньяка, найденная Линой в запасниках среди прочей оставшейся от мужа роскоши, тоже подходила к концу. Возникло непреодолимо желание поведать историю своей жизни. – Привел он меня в свою квартиру, где помимо нас жили еще его мама, папа, сестра – старая дева с истериками, и полоумная бабушка с блохастой кошкой. И прошла как-то быстро любовь наша неземная. Он автомехаником работал, вечерами таксистом шабашил. Целыми днями его дома нет, а родственники меня донимают. Естественно, надолго я в той квартире не задержалась. Во второй раз замуж, конечно, больше по расчету пошла: дядечке под пятьдесят было, должность приличная, квартира огромная, самое главное родственников нет. От меня без ума был. Он детей очень хотел, поэтому и женился. Тоже мне – бык-производитель... Потом скучно мне с ним стало. Он говорить вообще ни о чем кроме работы не мог. Помню, уговорила его как-то в свет выбратся, так он, представляешь, на концерт Иосифа Кобзона билеты купил!

Катя хохотнула, вместо того, чтобы посочувствовать Линкиной беде.

– Концерт я, конечно, отсидела, потом только намекнула, что девушки предпочитают что-нибудь помолодежней Кобзона... И что ты думаешь? Он меня на «Руки вверх» пригласил! Ты представляешь? Ну, вот скажи честно, я что, похожа на фанатку «Руки вверх»? Что ты хохочешь все... Потом уговорила его оплатить мне образование в Университете, а там... Влюбчивая я очень, понимаешь, отсюда и все мои беды. У нас на кафедре аспирантик был: молоденький, трогательный, а ресницы пушистые, как у девушки... ну я и пропала. Призналась мужу, собралась вещи и к маме переехала. Какой у нас этим аспирантиком роман был... – Лина закатила глаза, вспоминая. – Уже потом выяснилось, что у него таких, как я – полкурса. Застали его в лаборантской – в интересной позе с нашей замдекана. Бабищей в два раза старше его. А глаза – трогательные-трогательные!.. Но ты не думай, я со своими бывшими в хороших отношениях до сих пор: мужу-однокласснику одну свою подружку сосватала, а та не промах оказалась. Все его семейство теперь по струночке ходит, ее боятся. Даже кошка. А второй муж тоже, как видишь, обиды на меня не затаил: квартиру подарил, доучиться позволил, все надеется, что я к нему вернусь.

– Так ты все еще официально не разведена? – удивилась Катя.

Линка покачала головой:

– Он говорит, что женатым в его бизнесе больше доверяют. Да и мне хорошо – всегда можно сказать, что муж вот-вот вернется и отправить мальчика домой. Сплошные плюсы, по моему.

Коньяка оставалось на пару бокалов, когда Лина, глядя в пространство, замолчала. И почти одновременно пискнула трубка телефона.

– Аллоу! – томно спросила Лина. – Слушаю вас? Вас не слышно!..

Она даже постучала ногтем по мембране, проверяя, не сломан ли телефон – собеседник, похоже, не отвечал. А когда положила трубку, взгляд ее был вполне осмысленным и трезвым, как будто бутылки коньяка не было вовсе. Лина даже начала собирать со стола пустую посуду и сделала попытку отнести ее в кухню. Но повернулась к Кате на полпути:

– Последние дни у меня такое ощущение... только не смейся... как будто на меня все время кто-то смотрит. На улице, в транспорте... даже дома. И звонки эти. Уже не первый раз так – снимаю трубку, а там молчат. Катька, может за мной следят, а? – вернув тарелки на стол, она рассеянно опустила в кресло и ждала от подружки совета.

– Лин, ну кто может за тобой следить? Только новый поклонник, – не поверила, конечно, Катерина.

– Да ну, какие поклонники, – сразу отмахнулась Лина, – единственный вариант муж мой, который второй по счету. Больше некому. Только ума не приложу, что ему от меня нужно?

– А, может, он не просто следит, а охраняет тебя от кого-то?

– От кого? – спросила Лина дрогнувшим голосом.

– От мужа, который первый по счету! – делано страшным голосом отозвалась Катька и тут же расхохоталась. Видимо, и для нее выпитое спиртное не прошло бесследно. – Лин, ну что ты, в самом деле – показалось тебе.

Лина вяло изобразила улыбку, хотя весело ей совсем не было.

Глава 3. Детективное агентство «Агата»

Факс с фотографией выползал так медленно, что, казалось, до конца рабочего дня его уже не дожидаться. Миша с нетерпением оторвал листок и прищурился, сосредотачивая внимание на чертах лица мужчины на черно-белом снимке: лицо как будто было ему знакомо... Мысль оборвал звонок телефона:

– Получили факс, Михаил? – не здороваясь, спросили из трубки.

Это снова был не заказчик, а его представить, назвавшийся Виктором. Ох, темнит что-то этот Владимир Андреевич – он ведь так и не показался ни разу на глаза Мише.

– Факс получил. А Владимир Андреевич, я так понимаю, сегодня уже не приедет?

Собеседник замялся:

– Он просит извинить его: Владимир Андреевич собирался увидеться с вами, но в последний момент пришлось уехать на важную встречу. Давайте лучше вернемся к вашей работе?

– Давайте. Чье это фото?

– Вы же детектив, Михаил, – хмыкнул Виктор, – вот и догадайтесь. Уверю, это будет нетрудно.

Он ждал согласия, но Миша упрямо молчал. Тогда представитель заказчика продолжил:

– Владимир Андреевич считает, что наша девушка встречается именно с этим мужчиной. Их несколько раз видели вместе, в ее записной книжке есть его личный телефон, а, кроме того, мы получили информацию, что в ближайшие дни они снова встретятся. Только неизвестно где.

– Кто-то кроме меня работает над этим делом? – резко спросил Дорофеев.

– Нет... – бесстрастно ответил собеседник, – Владимир Андреевич считает, что это лишнее. Информация попала к нам случайно.

Кажется, его мало интересовало, верит ли ему Миша или нет.

– Ну, хорошо, его фотография у вас есть, вам нужно, чтобы мы установили личность, и работа нашего агентства может считаться завершенной?

– О нет, – Виктор даже слегка рассмеялся, – это было бы слишком просто. Владимир Андреевич хочет убедиться, что этот человек – именно тот, кого мы ищем. Понимаете? Мой шеф хочет, чтобы вы подтвердили встречу и – самое главное – записали на диктофон их разговор. К сожалению, мы не знаем, где они встретятся, но для вас это не станет проблемой, правильно?

– Правильно, – после заминки подтвердил Михаил, – Владимир Андреевич, надеюсь, понимает, что установка записывающей аппаратуры не входила в первоначальный бюджет, потребуются дополнительные финансовые затраты.

– Много? – Мише показалось, или в голосе заказчика мелькнуло беспокойство. Вот уж точно – чем богаче, тем жаднее.

Установить личность мужчины с фотографии действительно оказалось нетрудно, для этого нужно было только напрячь память. Это лицо Миша время от времени видел по телевизору, да и со страниц газет его имя не сходило – Василий Катасонов. Первый заместитель председателя по управлению имуществом и земельными отношениями. Интересно, Капустница принципиально встречается только с теми, о ком говорят в новостях?

Информации о Катасонове было полно даже в Интернете, в открытом доступе. Он никогда и не скрывал, что является ставленником небезызвестного в Старогорске бизнесмена Александра Патрова – ныне покойного. С подачи Патрова и занял чиновничью должность, а теперь открыто водит дружбу со вдовой и наследницей Патрова. Разумеется, способствует ей в выдаче разрешений на строительство в самых удачных местах города – прямо в статьях, посвященных Катасонову, об этом, разумеется, не говорилось, но намеков было достаточно. Больше всех по личности Катасонова проехала газета «Чайковка» – Миша только в очередной раз дивился бойкости «чайковских» журналистов, газету эту он вообще любил.

Именно в ней наткнулся на любопытную статейку полугодовой давности, где в довольно ироничной манере рассказывалось, что господин Катасонов переживает очередной бракоразводный процесс – со скандалами, судебными заседаниями и дележом имущества. Здесь же имелось интервью с его женой, которая ясно дала понять, что причина развода – многочисленные любовные похождения Катасонова.

Интересно, уж не Капустницу ли она имела в виду под «любовными похождениями»? В любом случае, этот Катасонов – бабник еще тот, что только подтверждало догадку заказчика.

– Ваши предложения, дамы и господа?

Рассказав все, что услышал от заказчика, и что разузнал сам, Миша положил распечатанный на принтере портрет Катасонова на середину стола и замолчал, давая слово директору агентства.

Директор – Агата Георгиевна Мелконян – отдала оперативно-поисковому управлению не год как Миша, а одиннадцать лет, да и покончив со службой, не отошла от дел совсем, а открыла сыскное агентство. Не на свою пенсию, конечно, а на деньги мужа. Благоверному Агата клялась и божилась, что «таскать грузы» она больше не станет – только в кресле гендиректора будет сидеть, бумажки подписывать, да давать мудрые советы молодняку. На деле же заставить энергичную даму в офисе было невозможно – не создана она для кабинетной работы. Вот и в тот день, когда Виктор заказал слежку за Капустницей, в офисе был Миша Дорофеев, в то время как хозяйка агентства самозабвенно работала по другому делу.

Кроме Агаты и Миши в директорском кабинете находился еще Эдик Кораблев – лишь они троем были в курсе дела Капустницы. Выждав тридцать секунд и убедившись, что директориса говорить не собирается, Эдик кашлянул и решил предложить:

– Можно в кабинет Катасонова напихать жучков.

– Можно, – нехотя согласилась Агата, – только в кабинете они все равно встречаться не будут. Если они знакомы давно, как говорит этот твой заказчик, то в лучшем случае созвонятся и встретятся в кафе или вообще на квартире. А мы не знаем ни времени, ни места.

– Даже если бы знали – что мы можем? Только усилитель⁹ в зале поставить, но тогда транслироваться будут все разговоры в помещении.

– А если микрофон к столикам прикрепить?! – снова осенило Эдика.

– На все столики? – хмыкнул Миша. – Микрофонов не хватит. Да и кто нам позволит крепить к столам микрофоны? Помнишь, мы уже не в ментовке!

– Да нашли бы уж способ...

– О чем спорить, если мы даже примерно не знаем, где они встретятся! И когда, – отмахнулась Агата.

– А если в ее квартиру жучков понапихать?! – У Эдика даже глаза загорелись.

Миша фыркнул скептически: фантазия у напарника что-то небогатая.

– Тебе лишь бы жучков понапихать, – поморщилась Агата, – мы не знаем место, мы не знаем время. Мы знаем только, кто с кем должен встретиться.

– Предлагаете прямо на объекты микрофоны крепить? – удивился Эдик. – А что, можно...

К Катасонову подступиться, наверное, не получится: он только в машине и передвигается, а вот Капустница наша вполне доступна. Только сделать все нужно быстро.

– Завтра!

– Завтра, – подвела итог Агата, – а сегодня – все по домам. Завтра тяжелый день.

Уже на выходе из офиса Эдик негромко заговорил с Мишей:

– В этой квартире на Суворова что-то не так, – заявил он, – вчера, когда Капустницы стопроцентно не было дома, в квартире горел свет, и видно было, что там кто-то ходит! А звоню в этот момент в квартиру – трубку не берут! И вообще... говорю, шеф, там кто-то живет помимо нее!

– Кто?

– Пока не знаю, но выясню обязательно, – пообещал Эдик.

– Выясни, – кратко согласился Миша, хоть не принял во внимание подозрения о «нехорошей квартире».

– Кать, ты ведь еще вернешься?

– Зачем? – искренне удивилась Астафьева, высматривая в глубине улицы автобус.

Девушки стояли на платформе автовокзала: Катя уезжала домой, в Москву, а Лина вызвалась ее проводить до автобуса. После недельного «отпуска» в Старогорске Катя, наконец, поняла, что из Судейской коллегии ей не позвонят уже никогда. И вообще глупо искать добра от добра: Катерина приняла решение вернуться к адвокатской практике. Не в конторе бывшего шефа, разумеется – общаться с ним теперь не было никакого желания. Но имелось у Кати на примете несколько влиятельных людей, которые – она уверена – не отказались бы принять ее в штат. Катерина решила не мелочиться и сегодня утром набрала номер самого влиятельного из таких людей – тот предложил встретиться завтра в своем офисе.

Старогорск, конечно, городок очень милый и уютный, да и с Линкой они, наконец, нашли общий язык. Но пора и честь знать.

– Кать, я же тебе говорила – я боюсь! – шепотом, чтобы не услышали окружающие – народу на платформе было довольно много – отозвалась Лина. – Вот даже сейчас стою здесь, и мне кажется, что на меня кто-то смотрит!

И в подтверждение своих слов она начала беспокойно озираться.

⁹ «усилитель» – (здесь) усилитель звуковых частот

Катя нервно дернула плечом, и мысли о поиске работы снова стали отсутствовать на второй план вылетели из ее головы: шутки шутками, но подобные ощущения – что кто-то за ней наблюдает – здесь, в Старогорске, посещали ее регулярно. Она-то привыкла все списывать на свою депрессию, но если и Линка это замечает...

– За моей спиной стоит мужчина лет тридцати пяти в рубашке навыпуск и с газетой в руках. Ты его замечала раньше? – негромко спросила она.

– Вроде нет... – проблеяла Лина и разом побледнела.

– А я, кажется, замечала. И темно-синяя «Шевроле-Лачетти» на той стороне улицы – я ее уже видела где-то. А другой парень – в белой футболке и солнечных очках – что он делает на вокзале без вещей?! И смотрит все время в мою сторону!

Катя говорила и начинала нервничать все больше – как наркоманке ей хотелось поскорее проглотить свои антидепрессанты или хотя бы закурить. Лина же, вернув свой обычный цвет лица, смотрела на нее жалостливо, как на побитую собаку, даже погладила по руке:

– Кать, он, наверное, просто провожает кого-то, потому и без вещей, – и уже больше про себя: – наверное, мне правда все показалось...

В этот момент, наконец, появился автобус, и толпа уезжающих и провожающих сплошной стеной ринулась к дверям, будто опасаясь, что мест на всех не хватит. Лина тоже приготовилась поработать локтями. Краем глаза Катя заметила, что сумка подруги, болтавшаяся на ремешке, была сейчас самой легкой добычей для карманников. Но не успела она и моргнуть, как пристроившийся за Линкой парень рванул сумку на себя – подруга даже ойкнуть не успела – и галопом бросился через дорогу на красный свет.

– Эй! – крикнул вдогонку ему тот самый мужчина с газетой, в котором Катя минуту назад подозревала маньяка, и припустил следом.

– У меня сумку украли... – растеряно догадалась Линка.

По платформе прошел неодобрительный гул, некоторые не поленились вскочить с уже насиженных мест в автобусе и любопытно смотрели вслед убегающим.

– А второй-то куда побежал? – чуть не плача от обиды спросила Лина. – Кать, ты это видела?

– Схема у них такая, Лин, – не сразу ответила Катя, – один отвлекает, второй отбирает сумку. С каждым может случиться... Денег много было?

– Немного... меньше, чем сама сумка стоит... – у Лины на глазах выступили слезы. – Она новая совсем, всего два раза ее брала...

Обратно через дорогу шагал все тот же мужчина уже без газеты и держал в руках добытый трофей – аккуратную бежевую сумочку. Увидев его, Линка сама подбежала, обнялась с сумкой и принялась осыпать спасителя словами благодарности. Катя почти с удивлением признала, что ошиблась в его оценке.

– А грабитель где? – недоверчиво спросила она.

– Убежал. Или я, по-вашему, должен был его еще в полицию отвести?!

Кажется, Катя его обидела, потому что он, уже не слушая Линку, развернулся и вскоре скрылся из вида. Лина потерянно перебирала содержимое сумки – вроде все было на месте. У Астафьевой мелькнула мысль, что уезжает она сейчас действительно нехстати – Лине бы не помешала ее поддержка. Себе она в этот момент пообещала, что при первой же возможности снова наведается в Старогорск, но, едва автобус тронулся, поняла, что лукавит. Она больше никогда сюда не вернется.

К первому в своей жизни настоящему интервью Лина готовилась обстоятельно. Первому, потому что свои практические занятия в Университете хоть сколько-нибудь серьезной работой назвать не могла даже она сама. Того московского ди-джея, например, подкинула Лине ее подруга-журналистка, во время беседы с музыкантом и он, и Лина были не совсем трезвы, а

сама статья писалась «на коленке», потому что Лина в тот день опаздывала к маникюрше. В журнал статью пристроила все та же подруга-журналистка, а сама Лина, кажется, так и не взялась его перечитать... Но, видимо, она и правда талантлива, раз Игорек даже эту ее статейку похвалил.

Василий Катасонов с первого взгляда ей ужасно понравился: красавчик и симпатяжка. Особенно Лину умилили ямочки на щеках и вдохновенные, умные глаза. Картинка, а не чиновник!

Томить в приемной он ее не стал, а почти сразу пригласил в просторный и очень уютный кабинет, оформленный в постельных тонах.

– Вот уж не думал, что в вашей газете, – Катасонов слегка поморщился, – работают такие очаровательные сотрудники. Значит, вы и есть Ангелина Сухарева из «Чайковки»?

– Можно просто Лина, – невольно начиная кокетничать – уж больно хорош был этот чиновник – она протянула ему руку ладонью вниз. Катасонов не растерялся и, прежде чем она сообразила, что это все-таки неуместно, с чувством поцеловал ее пальцы.

Лина растаяла. Когда чиновник, не выпуская ее руку из своей и ласково глядя в глаза, спросил, не хочет ли она пообедать с ним, та смогла только радостно закивать.

Пока доехали до ресторана «Сказка», где Катасонов ежедневно обедал, Лина все-таки сумела взять себя в руки: неуместно слащавый Василий Катасонов ее уже немного раздражал – хотелось перейти непосредственно к интервью. Не тут-то было. Любой ее вопрос Катасонов обращал в шутку, демонстрируя довольно плоское чувство юмора, а потом и вовсе заявил, что не хочет говорить о работе – пусть Лина перешлет вопросы его референту, а та на них подробно ответит. И начал рассказывать про какую-то сауну, до которой от ресторана две минуты езды. Лина так разозлилась, что даже сама оплатила свою часть счета – что делала крайне редко, обедая с мужчинами – и, гневно цокая каблучками, ушла.

Правда, обещание насчет интервью Катасонов сдержал – наутро от его референта действительно пришли ответы. Не все, самые интересные с Лининой точки зрения вопросы были проигнорированы – как и следовало ожидать.

Самое обидно, что поразить Игорька ей по-прежнему нечем.

Поскучав, Лина запустила базу данных редакции, ввела данные Василия Катасонова – и вот тут-то приуныла по-настоящему. Статей о нем было множество – едва ли не каждый месяц кто-нибудь да решался написать что-то. И всякий раз герой статьи показывался отнюдь не в лучшем виде: бабником, безответственным типом и продажным, как девица легкого поведения.

Лина Сухарева только вздыхала, читая статьи – неудачного героя для своих статей она выбрала. Написать о Катасонове что-то более сенсационное, кажется, уже невозможно.

Впрочем, с мая этого года ни одной статьи о Катасонове уже не было – как отрезало. В майском номере было напечатано опровержение, в котором Игорь лично приносил ему извинения, и сетовал, что в прошлом номере его журналист воспользовался непроверенными данными. Лина, конечно же, не утерпела и разыскала тот самый предыдущий номер.

Извиняться там было за что, хотя на фоне остальных статей о Катасонове ничего «убойного» здесь не рассказали.

– Поэтому я и говорю, что прежде чем сдать номер в печать, нужно пять раз перепроверить информацию. Иначе, получится, как с Катасоновым... – неохотно ответил Игорь на Линин вопрос. – В тот раз я ошибся: статья вышла, а на следующее утро Софья Патрова во всеуслышание заявила, что написанное в нашей «Чайковке» – клевета, и что она подает в суд.

– Подожди, а причем здесь Патрова?

Игорь поморщился:

– Ну, официально, конечно, в суд подает Катасонов, но всем же понятно, что без команды Патровой он и чихнуть не смеет.

Игорь вздохнул – видно было, что ему даже вспоминать об этом тяжело – и начал изда-лека.

Подмосковье, как известно, богато на старинные церкви и усадьбы – наверное, трудно найти здесь город или село, не наделенное хотя бы одним памятником зодчества. Правда, едва ли это существенно отразилось на благосостоянии горожан. Старогорск же в своем роде был уникальным: церкви и усадьбы здесь тщательно реставрировались, строились гостиницы для туристов, рестораны, супермаркеты. Не скупилась на рекламу. Только занималось этим отнюдь не государство, и не министерство культуры.

В середине девяностых годов прошлого века состоятельный московский делец Александр Патров, про которого небезосновательно говорили, что он близок к криминальным кругам, купил приличных размеров поместье недалеко от Старогорска. И, будучи человеком предприимчивым, вскоре понял, что на культурном наследии этого города можно очень неплохо заработать. Патров действительно сумел сделать из города культурный центр, куда с мая по октябрь ежегодно тянулись туристы. Город разрастался, облагораживался, зеленел. Строились комфортабельные гостиницы и рестораны, некоторые из которых ничуть не уступали столичным. Патров много сделал для города, и его здесь почитали вполне по праву. И когда Александр Патров был убит своими партнерами по московскому бизнесу, его именем назвали местную школу, а его вдова Софья Павловна до сих пор лелеяла мечту увековечить имя мужа в названии одной из улиц Старогорска.

Софья Павловна – женщина с железной волей и светлой головой – это можно заключить хотя бы из того, что после смерти ее мужа компания «Старогорск-тур» не развалилась и не перешла в чужие руки. Хотя и пришлось тогда несладко – в то время компанию хотели прибрать к рукам очень многие. Софья Павловна, одетая в траур, поддерживала старогорцев по телевидению и обещала, что вместе они выстоят. Решал вопросы с конкурентами Евгений Павлович Перегудов – правая рука ее покойного мужа. Тогда по городу прокатилась волна заказных убийств. Отголоски той борьбы за передел собственности звучат и до сих пор.

– Но где-то полгода назад кто-то начал активно влиять на бизнес Патровой. Мешать ей. Взять хотя бы открытие гостиницы – Катасонов не случайно его задерживает, его перекупили. Я это точно знаю, – убежденно закончил Игорь.

– То есть в твоей статье действительно... все правда?

– Да, но у меня нет доказательств. Были, но теперь их нет.

Лина слушала Маликова, в ужасе распахнув глаза. Рассказ заставил ее не на шутку побеспокоиться об Игоре – с какими страшными людьми он имеет дело!..

– Но ты же написал опровержение! – воскликнула она. – Какие еще могут быть к тебе претензии?

– Написал – публично извинился перед Патровой, но теперь она уже требует возместить ущерб. Моральный и материальный. Денег у меня свободных нет, все вложено в газету... Только редакцией я и могу с нею расплатиться. Она знает, куда бить.

– Ну а продать что-нибудь? Да хотя бы здание, в котором расположен офис «Чайковки» – он же в центре, большие деньги заплатят. Можно ведь и в здании попроще газету выпускать.

– Это не мое здание – я его арендую. Что я еще могу продать? Квартиру? И оставить семью без крыши над головой? Не бери в голову, Лин, – торопливо отмахнулся Игорь, – я что-нибудь придумаю. Лучше расскажи, как прошло интервью с Катасоновым?

– Никак. Урод он и больше ничего, – надулась Лина, вспомнив вчерашнее, – да и стоит ли писать о нем, после всего, что ты рассказал...

Взгляд Лины упал на темно-синюю «Шевроле-Лачетти» – в Старогорске таких было немало, но Лина готова была поспорить, что видела именно эту на автовокзале, когда провожала Катю.

– Что? Что случилось? – проследил за ее взглядом Маликов.

– Игорек, у меня паранойя, наверное, развивается. Мне кажется, что за мной следят...

Игорь посмотрел на «Шевроле», потом на Лину:

– Уверена? – с сомнением спросил он. – Ну и во что же ты успела вляпаться, дорогая моя?

Игорь ей поверил. Даже позвонил каким-то своим приятелям и выяснил, что машина зарегистрирована на некую Агату Мелконян, жену коммерсанта – даму сорока восьми лет.

– Значит, показалось, – пожала плечами Лина, – разве преступники такими бывают?

– Почему сразу преступники – ты же не знаешь, с какой целью тебя преследуют? Если вообще преследуют. И потом, Линочка, на эту даму зарегистрирована машина, но ты же не видела, кто сидит за рулем? Стекла тонированные.

Следующие несколько часов в течение рабочего дня Лина то и дело выглядывала в окно, из которого отлично была видна «Шевроле». Устав наблюдать за ее мучениями, Игорь взял ключи от машины и приказал:

– Собирайся, сейчас кое-что проверим.

Водил Маликов лихо. Они проехали вдоль проспекта Ленина, свернули на одну из боковых улиц, сделали крюк и вернулись обратно на Чайковского восемь. План Лине был понятен: посмотреть, поедет ли пресловутая «Шевроле» за ними. Но нет, автомобиль Агаты Мелконян как был припаркован напротив редакции, так и не сдвинулся с места во время их маневров.

– Значит, показалось? – умоляюще смотрела Лина на Маликова.

Игорек пожал плечами:

– Все равно присматривайся. Запомни номер этой «Шевроле» и если еще раз ее увидишь, звони мне в любое время.

А еще через полчаса из кофейни, недалеко от которой была припаркована «Шевроле» вышла элегантная брюнетка в светлом брючном костюме и с сотовым у уха. Высоким, неприятным голосом она недовольно рассказывала кому-то по телефону, как ее сегодня чуть не обсчитали в обувном магазине. Потом она села в «Шевроле» и уехала, окончательно развеяв все сомнения.

Глава 4. Находка у Южного моста

Так мерзко Катя не чувствовала себя уже давно. Директор конторы, на которую она возлагала все надежды, сперва полчаса держал ее в приемной, потом, ссылаясь на архиважные дела, и вовсе предложил ей встретиться в другой день. В конце концов, пригласил ее к себе и начал рассказывать, какой квалифицированный она юрист, и какой внушительный имеет послужной список. Судя по похвалам, Катю должны были назначить на должность никак не меньше заместителя генерального, но...

– Но... вы же понимаете, Екатерина Андреевна, что я не могу ссориться с Николаем Петровичем.

Николаем Петровичем был бывший Катин шеф, которого она почему-то считала своим другом.

Получив отказ, Астафьева закономерно ждала, когда сводящая с ума тоска накроет ее с прежней силой. Ждала и не могла понять, почему ей так спокойно? Жалела в этот момент Катя только об одном – что оставила Линку в Старогорске наедине с ее преследователями, мнимыми или реальными. На следующее же утро Катя вернулась в Старогорск. Лина, немного неуверенно, но все же подтвердила, что ничего странного в эти дни не замечала – ни слежек, ни подозрительных машин – и вообще, наверное, ей все померещилось.

Успокоившись, Катя взяла телефонную трубку и ушла к себе. Отыскав в визитнице карточку замначальника следственного отдела Ваганова, она все равно не могла решиться набрать номер. Мысль, что ей придется звонить Юрию Николаевичу, начала сверлить мозг еще когда она сидела в приемной у своего влиятельного директора, а сейчас уже казалась единственным выходом из положения.

И все-таки Катя не могла решиться позвонить. Ей, с ее опытом в адвокатуре, с ее запросами и отношением к жизни, устраиваться в Следственный комитет... это казалось Кате глупым и необдуманным. И совсем чуточку заманчивым.

«Может быть, Следственный комитет и не такой уж плохой вариант? – уговаривала себя Астафьева. Работают же там люди. Каким-то образом».

Юрий Николаевич заверил, что насчет вакантной должности следователя он не шутил, и пригласил ее приехать завтра в следственный отдел Следственного комитета Старогорска.

Втайне Катя надеялась, что на беседе с главой Следственного отдела все и закончится. Это переход следователей в адвокатуру явление более-менее распространенное, а чтобы адвокат ушел в следователи... Но замначальника Ваганов действительно пользовался здесь авторитетом: начальник следственного отдела Трухин, похоже, все решил еще до встречи с Катей.

– Все, Екатерина Андреевна, – объявил тот, – оформляйтесь, в течение недели проходите медкомиссию, а на должность заступать можете прямо завтра – что тянуть? Работы у нас много, Галина Дмитриевна вас введет в курс дела.

– Галина Дмитриевна? – переспросила Катя.

– Вы же понимаете, что на должность следователя мы вас сразу назначить не можем. Походите месяца два в стажерах у Галины Дмитриевны – вы с ней сойдетесь, вот увидите.

С Галиной Дмитриевной пришлось познакомиться уже через двадцать минут. Катя пила кофе в кабинете Ваганова, и тот как раз предложил перейти на «ты», когда в дверь вошла женщина в форменном кителе министерства юстиции – худощавая, на голову выше Кати, со скромным хвостиком на затылке.

– Юрик, ты занят? – покосилась она на Катю.

– Нет, Галя, как раз хотел с тобой поговорить...

Но дама была чем-то настолько взволнована, что и Ваганова не слушала, и на Астафьеву внимания обратила не больше, чем на тумбочку:

– Юрик, ты представляешь, Труха мне какую-то очередную пигалицу в стажерки определил. Ну почему они все время мне достаются! Хоть бы одну к Элле Эдуардовне определили, или к Лексей Лексеичу, или к тебе, в конце концов! Ой, только не говори мне опять про своего маньяка...

Дождавшись, когда женщина на полсекунды притихнет, Ваганов попросил Катерину выйти.

О чем эти двое говорили в кабинете Астафьева не слышала, она раздумывала над тем, что если сейчас тихонько убежать отсюда, мигом собрать вещи и без промедления покинуть город, то ни Ваганов, ни Трухин ее не найдут и не заставят общаться с этой кошмарной теткой.

Ваганов вышел из кабинета первым:

– Это была Галина Дмитриевна Осколова, – без надобности пояснил он, – старший следователь. Вы не обращайтесь внимания... просто с начала года вы у нее уже четвертый стажер: две выпускницы юрфака едва закончив стажировку, словно сговорившись, ушли в декрет. Третьим был молодой человек, тоже студент, но юноша довольно способный и перспективный. Только нас сразу поставили перед фактом, что ему уже готово теплое место в областном СК, на которое он заступит ровно через месяц – когда сотрудник, занимающий эту должность, выйдет в отставку. Вот так. Но опыт в следствии у Галины Дмитриевны почти пятнадцать лет, лучший

специалист в Следственном отделе по тяжким преступлениям¹⁰. Вы ведь в адвокатуре тоже тяжкими занимались? Ну вот, лучшего наставника, – он тяжело вздохнул, – и найти сложно. Желаю удачи.

Следом за ним вышла Галина Дмитриевна, удостоила Астафьеву уже более внимательного взгляда и велела:

– Пройдемте.

– О следственной работе представление имеете, Екатерина Андреевна? – спросила Осколова, освобождая от горшочков с фиалками второй стол в своем кабинете.

– Я стажировалась в прокуратуре, еще будучи студенткой.

– А потом на следствии почему не остались? – не мигая, уставилась она в глаза Кате.

Астафьева откровенничать с нею не желала:

– Так получилось... – отговорка вышла жалкой.

– Так получилось. Ну, понятно.

«Что, интересно, ей понятно?» – зло подумала Катя.

В дверь постучали и тут же, не дождавшись ответа, вошли. На пороге оказался Максим Федин, тот самый, повышение которого Катя не так давно «обмывала».

– Простите, Галина Дмитриевна... опоздал... – закрыл он за собой дверь и приготовился упасть на стул, но, заметив Катерину, похоже разом забыл, зачем вообще сюда пришел: – Катя?! Ты-то здесь каким ветром? Неужели опять свидетелем стала, ты ж у нас девушка серьезная, по пустякам в прокуратуру не бегаешь.

– Я как бы работаю здесь теперь, – признала Катя и выдавила жалкую улыбку. В происходящее ей самой еще верилось слабо.

– Серьезно?..

Тут он наткнулся на взгляд Осоловой и разговаривать с Катей сразу расхотелось.

– Может, вернемся к работе? – надменно спросила следователь. И добавила уже мягче, даже с надеждой: – что там?

– Да ничего особенного... – все еще оглядываясь на Катерину, ответил Максим. – Нашлась их потеряшка¹¹! С мужем поцапалась, ушла к соседке ночевать. А тот с пьяных глаз проснулся – праздник же был, Галина Дмитриевна – проснулся, а жены нет нигде. Ну, он и поскакал сдуру к участковому. К вечеру жена вернулась, а полицию естественно не предупредили.

– Жаль, – мрачно отозвалась Осолова, но тут же спохватилась: – в смысле, хорошо, что нашлась.

Она быстро сложила все бумаги в огромную папку и собралась уже затолкать ее в сейф, но передумала и подозвала к себе Астафьеву:

– Кстати, не хотите взять дело домой на вечер, почитать? Там очень много поучительного – вам пригодится.

Катя посмотрела на толстенную папку, которую Галина могла удержать только двумя руками и, нехотя, взяла. Осолова тут же достала из сейфа такой же том:

– Это часть вторая, – не скрывала она издевки, – Максим, я тебе чего сказать хотела, раз опять у нас пустышка¹², я выписываю постановление на захоронение нашей «блондинки». А то Топорков уже неделю на мозги капает: холодильник у них, видишь ли, не резиновый.

¹⁰ Тяжкие преступления – по ст. 14 УК РФ умышленные и неосторожные деяния, за которые УК РФ предусматривает наказания от пяти до десяти лет лишения свободы

¹¹ Без вести пропавший (жарг.)

¹² Неподтвердившаяся версия (жарг.)

Забуть неподъемные два тома уголовного дела в кабинете Астафьевой просто не дали шанса.

Городской пляж в Старогорске был устроен в самой северной его части: здесь с помощью плотины издавна существовала запруда, на берег ежегодно завозился песок, а вокруг открывалось огромное количество летних кафе. Идеальное место для отдыха в городских условиях. Вот только места желающим отдохнуть на этом пляже хронически не хватало: в выходные здесь вовсе было не повернуться. Кто-то искал более уединенное место, а кому-то просто не хотелось ехать в другую часть города – эти категории граждан и организовывали по всей протяженности реки свои пляжи. Особенно облюбовали купальщики место у Южного моста – спуск удобный, да и остановка автобуса с ларьками близко. Ну и что, что слава у Моста Самоубийц плохая, разве может этот факт остановить утомившихся жарой горожан?

Иногда и сами купальщики находили у моста «сюрпризы», как, например, в тот жаркий майский день. Женский труп, изрядно подъеденный рыбами и приобретший бледно-зеленый цвет от долгого пребывания в воде, был выброшен волнами прямо к ногам загорающих...

Дежурный оперативник, обслуживающий Левобережный район, ехал к месту со стопроцентной уверенностью, что труп он сейчас регистрирует как несчастный случай на воде, или, на худой конец, как самоубийцу, благо мост подходящий. Как ни странно, наличие трупа не убавило числа отдыхающих, а наоборот. Некоторым до купания вообще не было дела, пришли они просто посмотреть: настоящий труп – прикольно ведь! В воде, правда, никого в тот момент не было – никто не желал плескаться в речке, из которой только что вытащили мертвеца. Можно было даже утверждать, что, по крайней мере, дня три купаться к мосту никто не пойдет.

Парень в красных плавках, тот, что и позвонил по «02», важно провел к лежащему на гальке телу. Оперативник брезгливо зажал нос и бегло осмотрел останки женщины: это была явно не купальщица – выдавали джинсы и шерстяной свитер. Потом оперативник заметил, что свитер порван в двух местах – аккуратные круглые дыры. И тут же отшатнулся. Не нужно было быть экспертом-криминалистом, чтобы догадаться, что отверстия пулевые. Женщину застрелили. Не успев даже сообразить, во что эта находка может вылиться, оперативник поспешил к машине – связаться с дежурной частью.

О находке уже к обеду знал каждый старогорский школьник. Городок слыл тихим, даже скучным, а тут такое происшествие! Последнее огнестрельное убийство случилось здесь три года назад: военный застрелил соседа-собутельника из табельного оружия. И об этом случае до сих пор говорили. Но тогда убийца раскаялся и во всем признался в тот же день, а убийство «майской блондинки» имело все шансы стать глухарем.

– Ты что с ума сошла – время четвертый час ночи! – шептала почему-то Линка, хотя в квартире никто не спал.

Катя бросила взгляд на циферблат – действительно десять минут четвертого... Ничего себе засиделась. Она, расположившись за кухонным столом, читала материалы уголовного дела при свете лампы. Лина, выпив воды из-под крана, вернулась к себе, все еще ворча на подругу, а Катя снова погрузилась в чтение. Дело – чего она не ожидала – оказалось интересным.

Убитой – «майской блондинке», как ее окрестили – было, по заключению эксперта, лет тридцать-тридцать пять, рост выше среднего, волосы светло-русые, лицо славянского типа, особых примет нет. Катя разложила на столе посмертные фотографии женщины и в полумраке комнаты вглядывалась в обезображенное лицо, невольно пытаясь понять, каким оно было при жизни.

Ранения действительно оказались пулевыми: одна пуля прошла тело насквозь, другую – калибром девять миллиметров – судебный медик извлек из мышечных тканей. Смерть наступила от большой потери крови, а в воду труп попал уже позже.

С отпечатками пришлось повозиться: верхний слой эпидермиса от ладоней отделился, и для дактилоскопирования¹³ были пригодны только небольшие его фрагменты, а остальное – через исследовательский центр в Москве. Результат оказался неутешительным, ни в одной из баз Блондинка не значилась.

Попытки опознать по одежде тоже ничего не дали: джинсы на вид дорогие, но такие можно купить в любом из полусотни бутиков города. Бордовый свитер оказался дизайнерским – бутиков, торгующих товарами этой марки в Старогорске все же не так много, так что оперативники прошлись по всем ним, показывали фото Блондинки, расспрашивали продавцов – ничего. Верхней одежды, как и обуви, на женщине вообще не было.

«Должно быть, застрелили ее в помещении. Дома, скорее всего», – решила Катя.

Еще в дело были подшиты многочисленные отчеты о посещении жителей близлежащих к Южному мосту домов. Оперативники с фотографией Блондинки прошлись по всем квартирам, но результата это опять же не дало. Да и какой мог быть результат, если неизвестно даже в каком месте реки тело попало в воду? Могли сбросить около Южного моста, а могли и во Владимирской области.

В воду тело попало приблизительно в начале мая.

Имея такую скудную информацию, оставалось только поднять данные о без вести пропавших женщинах в начале мая, и отправить запросы в близлежащие города и поселки. Последнее страницы дела как раз и занимала информация о том, что в соседнем поселке, который расположен на той же реке, как раз четвертого мая пришли в полицию с заявлением об исчезновении двадцатидевятилетней женщины.

Но уже сегодняшним числом была приписка: версия не подтвердилась.

– Да, мальчики... а говорят, с годами профессионализм только крепчает... Врут! Если бы на месте Капустницы был кто-нибудь из моих прежних «грузов», меня бы уже в порошок стерли. С места брысь!

Эдик, по-хозяйски развалившийся в кресле Агаты, моментально подобрался и пересел за стол для совещаний.

– Не корите себя, Агата Георгиевна, с каждым могло случиться, – подобострастно возразил он и вздохнул: – я тоже виноват.

Хозяйка агентства и Миша, сидевший здесь же, выразительно посмотрели на него, а во взгляде читалось: «Лучше б ты молчал!».

Агата все еще корила себя за тот случай у редакции «Чайковки»: она тогда дежурила на пару с Эдиком.

– Ничего удивительного, – мрачно заявил Миша Дорофеев, – мы таскаем Капустницу уже две недели, и нас всего трое – рано или поздно она должна была кого–нибудь заметить. Фотоснимков уже сотня набралась! Что еще нужно заказчику?

– Нет, ну надо же было так подставиться... – снова вспомнив, заохала Агата, – прямо на глазах у клиента!

– То есть как – на глазах у заказчика? – насторожился Михаил.

– Ой, Миш, долго объяснять... Мы с Эдиком как обычно по утрам довели ее до Чайковского восемь и уселись в кофейне напротив. Не в машине же целый день на жаре сидеть? Где-то в районе двух часов в кофейню зашел мужчина – высокий такой, плечистый, с рацией на поясе – типичный охранник. И сразу к нам:

¹³ Снятие отпечатков пальцев

«– Вы – Агата Георгиевна? – спрашивает меня. – Плохо работаете, Агата Георгиевна».

– Потом у него рация зашумела, и он тут же ушел. Пока мы с Эдиком раздумывали, что делать, Капустница вышла из редакции с журналистом – я тебе про него рассказывала, предположительно он и есть искомый любовник, а вовсе не Катасонов. Они сели в его автомобиль и уехали. Мы – ноги в руки – и за ними. «Шевроле», конечно, брать не стали, раз номера засветились, поймали такси. Но они, похоже, «проверялись», потому что сделали круг по району и вернулись.

На следующий день после их прокола у Миши Дорощеева была назначена очередная встреча с Владимиром Андреевичем, а точнее его представителем Виктором. Они сидели в автомобиле Миши и только что прослушали аудиозапись разговора Капустницы и Катасонова.

– Ну так что? – выключая плеер спросил Миша. – Не похоже, что у них близкие отношения. Мне показалось, что они впервые встретились.

– Будем надеяться. Боюсь только, Михаил, вы недооцениваете эту Капустницу, как вы ее называете. Это не капустница, а скорее паучиха, Черная вдова... не в прямом, конечно, смысле, только эта девица никогда не успокоится, пока не съест благоверного. Пока последнюю копейку из него не вытрясет. Вы ей, наверное, даже симпатизируете, мол, такая милая девушка... Вы ее не знаете, Михаил.

Виктор так тяжело вздохнул, как будто сам лично пострадал от Капустницы-Паучихи.

– Ладно, разберемся, – заверил он клиента, – микрофон пока на ней, так что буду держать вас в курсе всего, что она делает.

– Самое главное, дайте мне знать, если она захочет встретиться с Катасоновым еще раз.

– Скажите, Виктор, а Владимиру Андреевичу совсем не интересно послушать эту пленку? Я надеялся, что на этот раз он придет сам, – спросил вдруг Миша.

– У Владимира Андреевича сейчас есть дела поважнее. А пленку вы ведь все равно отдадите мне? Так что мой хозяин ее обязательно прослушает и сделает выводы. Да он и сам мечтает с вами встретиться.

Миша отдал кассету, попрощался с Виктором и, недолго раздумывая, направился к высоткам-близнецам на Суворова. Про себя он решил, что ему никогда не понять мотиваций клиентов: неужели у успешного бизнесмена нет более интересных занятий, чем проверять?

Все-таки улица Суворова на редкость симпатичное место. К одному из домов—близнецов прилегал автомобильная стоянка, а весь первый этаж второго дома занимал продуктовый магазин «Снежинка». К дому Капустницы как раз прилегал стоянка, где и припарковался Миша. Через дорогу от «Снежинки» трепетали под ветром зонтики летнего кафе-бара – Миша сразу давно заметил, что из кафе отлично просматривалась вся улица вместе с трамвайной остановкой. На ту же сторону выходило окно одной из комнат в квартире Капустницы и длинная лоджия. Однако подъезд и остальные окна выходили во двор – на стоянку.

Из-за угла дома неспешной походкой бездельника вышел Эдик, он воровато оглянулся и сел в «Тойоту» Миши.

– Я вычислил, кто вместе с Капустницей живёт в квартире! – сходу выпалил он. – Помните, кого мы видели на автовокзале рядом с Капустницей?

Миша помнил, конечно. Рядом с Капустницей была молодая женщина лет двадцати пяти, невысокая, рыжеволосая. Она уже была на автовокзале, когда туда приехала Капустница вместе с Мишей и Эдиком на хвосте.

– Она что же живет в этом доме? – Миша действительно был удивлен. – Может, просто соседка?

– Нет, по соседству там живет пожилая семейная пара. А эта... я ведь ее и раньше здесь замечал – у нее даже ключ от подъезда есть! А на днях видел, как она из такси вышла с дорожной сумкой, а Капустница наша ее встретила.

Уже темнело: в квартире Капустницы на седьмом этаже включили свет, и Мише даже казалось, что на оконной занавеске темнеют два силуэта.

– Разберемся, – твердо решил Михаил, – я ведь тебя сменить приехал: ты у нас после той истории на остановке засветился дальше некуда...

– Да ладно, они даже моего лица не видели! – смутился Эдик.

– Сработал ты, конечно, хорошо, как будто всю жизнь сумочки воровал... – хмыкнул Дорофеев, – но все равно рисковать нельзя. Если тебя узнают – это все! А я хоть положительного героя сыграл, отбращусь как-нибудь. Езжай домой.

Эдик после недолгих разговоров сдал пост, а Миша остался дежурить. Если даже в квартире живёт кто-то посторонний, то ничего страшного. Наверняка сестра или подруга из другого города – помешать она не должна.

Глава 5. Майская Блондинка

Проведенная в бодрствовании предыдущая ночь не замедлила сказаться наутро. Пришлось, стуча зубами, стоять пять минут под еле теплым душем, потом накачать себя крепчайшим кофе – только после этого Катерина сумела вспомнить, что сегодня ей предстоит проходить медкомиссию. Очень странно было, что никого из докторов не насторожил ее бесцельный и тусклый, как у заядлой наркоманки, взгляд: к службе в СК Астафьеву признали годной.

Вернувшись в квартиру Лины, и не застав ее там, Катя сделала то, чего хотела с самого утра: подложила под голову диванную подушку и прилегла в гостиной. В окно нещадно лился солнечный свет, заливалась воем чья-то сигнализация, радостно визжали дети на улице. Вдобавок ко всему проснулся сосед – любитель русского шансона.

«Какая глубокая песня...» – успела подумать Катерина и провалилась в сон.

Через мгновение, как ей показалось, она открыла глаза. Однако за окном теперь сгустились сумерки, хотя сосед еще не утомился прослушиванием шансона. Лины дома не было. Вслушиваясь в слова песни, Катя бездумно смотрела прямо перед собой – на стеклянную полочку с мыльми Линкиному сердцу безделушками. Но постепенно взгляд ее становился более осмысленным – Катя села на диване, сощурилась, нахмурил лоб, и взяла с полки фотографию в деревянной рамке. На снимке было запечатлено пятеро девиц, в центре – Лина, которая склонила голову к белокурой женщине чуть старше. Эта Линкина подруга была женщиной красивой: глубокие карие глаза, высокий лоб, четкий овал лица. Взгляд ее был смелым, даже вызывающим, а вот на губах – только вежливая полуулыбка. Ни намека на искреннюю радость, как у остальных девушек. Но главное, лицо было очень запоминающимся – увидев такое однажды, уже не забудешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.